

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Часть I

*Рекомендовано в качестве учебного пособия
Редакционно-издательским советом
Томского политехнического университета*

Издательство
Томского политехнического университета
2009

УДК 947(075.8)
ББК (2)я73
О-80

Авторы

Н.И. Гузарова, М.В. Иванова, А.Н. Першиков, А.Ю. Соломеин,
Л.И. Сосковец, Н.В. Трубникова, В.А. Чёрный, С.А. Шпагин

Отечественная история: учебное пособие. Часть I. – Томск:
О-80 Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 99 с.

В пособии с позиций цивилизационного методологического подхода изложены основные проблемы российской и мировой истории с древнейших времен до конца XVIII в. Основано на использовании новейшей исследовательской литературы по истории и соответствует требованиям государственного образовательного стандарта.

Подготовлено на кафедре истории и политологии ТПУ и предназначено для студентов всех форм обучения.

УДК 947(075.8)
ББК (2)я73

Рецензенты

Доктор исторических наук, профессор ТГАСУ

В.П. Андреев

Кандидат исторических наук, доцент СМГУ

Т.В. Мальцева

© Авторы, 2009
© Томский политехнический университет, 2009
© Оформление. Издательство Томского
политехнического университета, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение к курсу (<i>Н.В. Трубникова</i>)	4
Традиционные общества древности и средневековья (<i>В.А. Чёрный</i>).....	14
Славянский мир раннего средневековья (<i>Н.И. Гузарова</i>)	22
Киевская Русь и русские княжества в IX–XIII вв. (<i>Л.И. Сосковец</i>)	36
Русь и Золотая Орда в XIII–XV вв. (<i>С.А. Шпагин</i>).....	47
Европа и мир на пороге Нового времени (<i>М.В. Иванова</i>).....	59
Московское государство в XV–XVII вв. (<i>М.В. Иванова, А.Н. Першиков</i>)	70
Мир и Россия в эпоху Просвещения (<i>А.Ю. Соломеин</i>).....	86
Послесловие	98

ВВЕДЕНИЕ К КУРСУ «ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

1. Понятие истории. Роль исторической науки в XX в.
2. Методология истории как специальная историческая дисциплина.
3. Современное понимание предмета истории.
4. Формационный и цивилизационный подходы к изучению истории.
5. Проблема особенностей развития России в исторической литературе.

Понятие истории. Роль исторической науки в XX в.

История – одна из древнейших разновидностей человеческого познания, возникшая в античной Греции уже к VI в. до н. э. Первоначально греки распространяли понятие «истории» как на весь свод достоверных знаний о природе, так и на безграничные сферы неизведанного. Большое значение «история» приобретает у Геродота, включившего в это функции «распознавания», «разведывания», «спрашивания». В IV в. до н. э. Аристотель предпринял классификацию наук, в которой выделил историю как изучение человеческой деятельности в прошлом, отделив её от поэзии. Однако на протяжении всей античности и средневековья термин «история» ещё не устоялся и зачастую применялся для обозначения всякой научной деятельности. Лишь к концу XVIII в. утверждается современное понимание истории как науки, изучающей человеческое прошлое, но по-прежнему сохраняются несколько толкований данного понятия. Наиболее существенными из них являются два:

- 1) история как прошлая действительность;
- 2) история как рассказ об этой действительности, запечатленный в устной или письменной традиции.

Сочетание данных определений делает очевидной основную проблему исторического познания: насколько сама прошлая действительность соответствует рассказу о ней?

В XIX столетии история как наука переживала свой «золотой век». Существовало убеждение, что историки способны дать истинную картину прошлого, и для её получения достаточно внимательного изучения источников и честного, непредвзятого отношения к предмету исследования.

В XX в. история теряет высокий статус «учительницы жизни», теряет во многом потому, что не смогла осмыслить коренные тенденции новейшего, не сумела предвидеть грядущие мировые войны и революции,

не предупредила о нарастающей конфликтности будущего. В последнем веке второго тысячелетия в исторической науке появляются самоликвидаторские тенденции, она во многом утрачивает прежнее значение. Такого рода настроения были широко распространены на Западе в 50–70-е гг., а в постсоветскую эпоху распространились и в России.

Однако на фоне распавшихся символов и смыслов исторического познания существует другая тенденция, в которой видны перспективы будущего исторической науки. В XX в. не идеологии, не абстрактные схемы мирового развития, а именно сам человек становится центром, вокруг которого группируется вся система современных познаний, и только история дает ему необходимую историческую перспективу, без которой он не может быть понят.

С новым качеством истории связан и момент мировоззренческого характера, выводящий проблему смысла истории за рамки узкого цехового статуса на уровень коренного вопроса современной цивилизации. Человек XX в. ощутил распад связи времен, утратил многие традиционные ориентиры, естественным следствием чего является особое обращение к истории как к науке, способной показать возможные пути решения этих проблем. На вопросы, связанные с определением цивилизационной роли истории и сферой познавательных возможностей исторической науки, отвечает специальная историческая дисциплина – методология истории.

Методология истории как специальная историческая дисциплина

Методология истории изучает природу, принципы и методы исторического познания, выполняя функции своеобразной самокритики исторической науки. Она оперирует основными понятиями и категориями, образующими методологический арсенал истории, главная цель которого организовать и систематизировать сложный и многообразный материал, изучаемый историками.

Принципы исторического исследования – это исходные способы истолкования исторического материала, принятые в науке подходы к изучению истории. Таковы принципы историзма – понимание любого явления в его историческом развитии; принципы системности – раскрытие целостности объектов через изучение их внутренних связей; принцип объективности, т.е. непредвзятого отношения к предмету исследования и др.

Методы исторического исследования – это специальные приемы научного исследования, применяемые в истории (исторический, статистический и др.).

Важное значение имеют в исторической науке *категории*, т.е. понятия, которые отражают наиболее общие и существенные связи изучаемого мира. К числу фундаментальных категорий принадлежит *историческая закономерность* – причинно-следственная событийная цепь, сложившаяся на основе объективных предпосылок и условий. Историческая закономерность тесно связана с категорией *исторической случайности*, которая обозначает универсальные, индивидуальные причины событий, способные нарушить закономерный ход истории. Вопрос соотношения этих двух категорий вызывал острые дискуссии в XX в., представляя широкий диапазон мнений – от фатальной предопределенности исторического процесса до его абсолютной стихийной случайности. Близко соотносится с двумя предыдущими категориями *историческая необходимость* – ведущая тенденция развития общества, коренящаяся в объективных условиях, но не являющаяся неизбежностью. Важной категорией исторического познания является также *альтернативность в истории* – признание многообразия исторического процесса, в котором есть разные возможности развития тех или иных событий, одна из которых воплотится в действительность.

Методология истории – относительно молодая дисциплина, фактически ровесница XX в. Впервые вопросы общей теории и методологии истории были выделены в специальный курс лекций И. Дройзеном в 1857 г. Но поднятые немецким историком проблемы на протяжении всего XIX в. не представлялись актуальными, поскольку считалось, что история такая же форма научного познания, как и все прочие, и не имеет особой методологической специфики. Широкий фронт изучения научного своеобразия истории складывается на рубеже XIX–XX вв. Особое значение в создании новой исторической дисциплины имели труды российских историков.

Российские исследователи внесли в разработку методологии истории свой вклад. Н.И. Кареев в многотомном труде «Основные вопросы философии истории» (1880–1890 гг.) рассматривает стержневые проблемы исторического знания, формулируя свои «основные вопросы» с точки зрения человека как центра истории. В то же время В.О. Ключевский полагал, что методология истории нужна для понимания особенностей и границ исторического познания, а также для выявления общих подходов и принципов изучения отечественной и зарубежной истории. Позднее вопросами методологии истории занимались Д.М. Петрушевский, Р.Ю. Виппер, А.Н. Савин, Е.В. Тарле, Л.С. Лаппо-Данилевский. Последний из упомянутых предпринял наиболее систематическое изложение проблем теории исторического познания и фактически стал создателем теоретического источниковедения, специальной

исторической дисциплины, изучающей исторические источники – все историческое наследие, испытавшее на себе воздействие человека в прошлом.

В этот период историческую науку в России в значительной мере стимулировала социальная действительность, побуждавшая к ожесточенному обсуждению проблем прошлого и настоящего. Важным фактором понимания закономерностей исторического процесса в России стала и традиция марксизма, к 1917 г. уже достаточно прочно укоренившаяся в общественном сознании, хотя отношение российских историков к учению Маркса было неоднозначным.

Следующий период отечественной методологии истории открыл октябрь 1917 г. Началось фронтальное утверждение марксизма, сопровождаемое изгнанием из университетов «буржуазных» историков. Все существующие методы познания были пересмотрены в соответствии с системой взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. Основными негативными моментами новой политической кампании в науке было резкое неприятие всего немарксистского и критика оппонентов, носившая отнюдь не академический характер. Марксизм из влиятельного философского учения переродился в государственную идеологию, постепенно приобретая качества государственной религии. Лишь в 50-е гг., в эпоху «оттепели» появляются специалисты в области методологии истории (М.А. Барг, А.И. Данилов, А.Я. Гуревич и др.), доказывающие, что исторический материализм и социология Маркса не могут заменить собой дисциплины, изучающей специальные методы исторической науки. Именно эти ученые во многом определили пути развития методологии истории в постсоветский период, когда марксизм потерял монополию на провозглашение истины и отечественной науке открылось все многообразие зарубежного методологического арсенала. И мировой методологический опыт вновь поставил перед отечественными историками вопрос о предмете исторической науки и пределах познания в истории.

Современное понимание предмета истории

Современное понимание предмета истории включает в себя несколько новых черт:

а) объектом исторического изучения является человек. «История, – писал М. Блок, – наука о людях во времени. Надо связывать изучение мертвых с изучением живых». Гуманизация истории – одно из основных качеств современной исторической науки.

Большую роль в новом понимании истории сыграли представители нескольких поколений французской школы «Анналов» (от названия

журнала «Анналы экономической и социальной истории»), у истоков которого стояли Л. Февр и М. Блок.

Французские историки положили начало «истории умонастроений» или «истории ментальности». В отсутствии строгого определения понятия «ментальности» они видели достоинство, которое позволяет уловить многие оттенки мотивов человеческого поведения, выпадавшие ранее из исторических исследований. Картины человеческих умонастроений могут быть изучены только через раскрытие внутреннего мира человека, постижение сущности исследуемого мира. Данный подход противоположен методу понимания, согласно которому достаточно лишь вжиться в предмет исследования, отождествить себя с человеком определенной эпохи. История ментальности – это изучение инородного для историка мира, в котором жили другие люди, имеющие чуждые для современного восприятия мысли, чувства и психологические установки. История умонастроений в XX в. стремительно перерастает из узкой дисциплины во всеобщий подход, применимый к исследованию любой эпохи;

б) чрезвычайно расширился сам предмет истории. Все обстоятельства, связанные с человеком прошлого, все сферы его сознательной и бессознательной деятельности стали центром притяжения исследовательского интереса историков. Само восприятие прошлого стало более многогранным и ярким: появляются новые исторические дисциплины, увеличивается круг исторических источников. Если раньше главным основанием для изучения истории были социальные, экономические или политические процессы, находящие отражение в конкретно-исторических формах прошлого, то в последние десятилетия история теряет собственное «проблемное поле», утрачивает целостность и устойчивость внутренних связей, в ней отсутствуют четкие стандарты изучения прошлого. В этом есть существенная опасность, и ученые ищут способы ее преодоления;

в) возможное средство избавления от указанной опасности и следующая особенность современного исторического познания – восстановление традиционного принципа повествовательной истории, истории-рассказа. Однако возрождение событийной истории не означает отказа от всех достижений XX в., новые исторические исследования должны оставаться проблемными и аналитическими.

Формационный и цивилизационный подходы к изучению истории

Опыты генерализации (обобщения) исторического знания, представленные, как правило, в виде философских теорий исторического процесса, определяют общие закономерности исторического движения

и типы исторического развития человечества. По отношению к философской теории конкретная история всегда имеет подчиненное значение. Весь XX в. прошел под знаком освобождения истории от отвлеченных философских схем, обретения ею качества самостоятельной науки. Иногда это стремление к независимости приобретало негативную окраску, выраженную в виде отрицания всякого теоретического осмысления. На пороге XXI в. становится очевидным, что историко-философский синтез выполняет собственную роль в гуманитарном познании, позволяя обзрывать противоречивый массив конкретной истории как единое целое. Кроме того, общеполитические или «социологические» теории являются для многих историков, разделяющих те или иные общие установки, важным принципиальным обоснованием их научной деятельности. Наиболее известными и зачастую противопоставляемыми являются формационный и цивилизационный подходы к изучению истории. Формационный подход базируется на историческом материализме К. Маркса, ключевым понятием которого является формация – определенный тип социально-экономической организации общества, складывающийся на определенном этапе развития человечества. К. Маркс выделил пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. В основе человеческого существования, по Марксу, лежит «воспроизводство материальной жизни», т.е. отношения производства и потребления материальных благ. Следовательно, определенный тип формации выделяется на основе существующего в ней способа производства и антагонистических классов, один из которых – класс эксплуататоров, обладающих средствами производства, другой – эксплуатируемые (рабовладельцы и рабы, феодалы и зависимые крестьяне, капиталисты и рабочие). Способ производства формирует экономический базис общества, на основе которого развивается надстройка – весь комплекс социальных, политических, культурных и духовных характеристик той или иной формации. Переход от одной формации к другой происходит неизбежно, вследствие прогрессивного вызревания нового способа производства, путем революционного захвата власти более «прогрессивных» собственников новых средств производства.

Марксизм, являвшийся самой влиятельной социологической теорией XIX в., тем не менее обнаруживает свои слабые стороны: экономический редукционизм, т. е. сведение всех мотиваций человеческого развития к экономической подоплеке; абсолютизация насилия, отчетливо выраженная в тезисе о прогрессивном характере революционной победы одного из противоборствующих начал; идеологизация и конфронтационность, вызывающая крайне грубый характер полемики даже у самого

Маркса. И все же именно марксизм стал в XIX в. наиболее последовательным проводником принципа историзма, т. е. понимания того, что любое историческое явление может быть понято лишь в историческом контексте, в состоянии непрерывного развития и изменения.

Родоначальником цивилизационного подхода и культурно-исторической типологизации прошлого стал русский историк Н.Я. Данилевский, положивший начало разрыва европейской историко-философской традиции с идеологией прогресса. В книге «Россия и Европа» он обосновал самобытность развития многих мировых культур, представив историю и виде смены различных культурно-исторических типов, которые последовательно сменяли друг друга, либо соприкасаясь, либо ничего не зная о существовании других (египетская, китайская, индийская, греческая, римская, романо-германская и др. культуры), жизнь которых, подобно любому организму, самоценна и проходит фазы рождения, становления, зрелости, упадка и смерти. Такую картину мира нельзя измерить ценностями прогресса, предполагающего однолинейное и одинаковое для всех развитие, в ней нет «дикарей» и «цивилизованных» народов. Каждый народ формирует свою систему ценностей и вырабатывает собственные формы государства и политики, экономики и философии, религии и искусства. Необходимым для лучшего понимания отдельных исторических типов является, по Данилевскому, их сравнение и осмысление в контексте мировой истории.

Идеи самобытности отдельных культур обрели продолжение у немецкого философа О. Шпенглера, издавшего незадолго до первой мировой войны нашумевшую монографию «Закат Европы». Ее автор стремился доказать уникальность каждого типа исторического развития, не отрицая при этом наличие типических черт и сходных периодов в мировой истории. Он ограничил сроки существования отдельной культуры примерно тысячей лет. Особо был выделен в «Закате Европы» переход от стадии роста и творчества к стадии «цивилизации», периоду, когда культура, реализовав свой лимит развития, «остывает», неотвратимо двигаясь к гибели. Именно эту ситуацию, на взгляд Шпенглера, переживала современная ему Европа. И хотя мрачные прогнозы философа не оправдались в полной мере, он достаточно чутко уловил многие кризисные тенденции XX в.

Известный английский историк А.Дж. Тойнби продолжил разработку проблем культурно-исторической типологизации, выделив более двадцати цивилизаций наряду с «примитивными» и «задержанными» в развитии обществами. Под «цивилизациями» он подразумевал те же общности, которые Данилевский назвал «культурно-историческими типами», а Шпенглер – «культурами». Тойнби разделял представления

своих предшественников об алгоритме существования отдельной цивилизации: возникновение, становление, рост, надлом и разложение, но предложил более детальное описание особенностей отдельных фаз. Кроме того, его интересовали причины и движущие силы исторического процесса. Причины возникновения локальных культур он усматривал в «вызовах» окружающей среды – тяжелых природных условиях или воинственных соседях, побуждающих определенный народ «давать ответ», прилагая экстраординарные усилия по созданию собственной цивилизации. Основным катализатором создания и развития цивилизации является «творческое меньшинство». Там же, где условия существования были благоприятными, цивилизация либо оказывалась «задержанной», либо не развивалась вовсе. Критики А.Дж. Тойнби, отдавая должное грандиозности предпринятой им работы, ставили ему в вину (как и другим историкам, создающим подобные типологизации), пренебрежение многими известными фактами, недостаточную доказательность основных принципов теории и критериев определения самостоятельности той или иной цивилизации.

Русский историк Л.Н. Гумилев (1912–1992 гг.) развивал идею локальных цивилизаций в своей концепции этносов. Он перевел проблемы исторической типологизации в плоскость этнологии – науки, изучающей жизнь отдельных народов – этносов. Он анализирует все фазы существования этноса, придерживаясь прежней схемы «цивилизации организма», особенно выделяя фазу надлома, когда творческая энергия преобразуется в инерцию уже созданных этносом культурных стереотипов. Л.Н. Гумилев строго регламентирует протекание этногенеза: в целом жизнь этноса длится 1200–1500 лет, а сроки отдельной фазы колеблются от 200 до 350 лет. Свообразно историк решает проблему первопричины исторического движения. Опираясь на учение В.И. Вернадского о «живом веществе биосферы», он выдвигает предположение о влиянии на биосферу, в том числе и на человечество, космических излучений. Согласно концепции этносов, поступление внеземной энергии периодически производит «пассионарные толчки», в результате которых на определенных территориях появляются пассионарии – люди с избыточной энергетикой, обладающие повышенной социальной активностью и создающие новые идеологические доминанты. Именно пассионарии ломают старую традицию и создают новые этносы, и все протекание этногенеза есть процесс затухания полученного пассионарного импульса, естественным финалом которого является состояние полного гармонического равновесия с окружающей средой. На территории Евразии Л.Н. Гумилев выделяет девять пассионарных толчков в исторический период, вызвавших к жизни целое соцветие культур – «суперэтно-

сов», одним из которых стала Россия, в XXI в., согласно размышлениям историка, вступающая в стабильную фазу цивилизации.

Напряженные размышления над исторической судьбой нашей страны характерны не только для Л.Н. Гумилева, но являются неотъемлемой чертой отечественной историографической традиции в целом.

Проблема особенностей развития России в исторической литературе

Вопрос о цивилизационной самобытности России был поставлен еще в трудах Н.М. Карамзина (1766–1826 гг.), противопоставившего исторический опыт своей страны и созданные ею формы социальной, политической и культурной организации образцам европейской жизни. В своем двенадцатитомном труде «История государства Российского» Н.М. Карамзин выступает с позиций государственника. Россия – огромная страна, «мира половина», ее государственным строем должна оставаться монархия. Именно успехи самодержавия определили благосостояние нашей страны, а периоды безвластия в ней обращались для народа бедами, но история должна воспитывать и царей, так как «предмет самодержавия есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу», – полагал историк.

Наиболее драматично проблема исторического своеобразия России прозвучала в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева (1794– 1856 гг.). Он полагал, что Россия не является особой цивилизацией, тяготея к европейскому типу развития, но в силу особенностей исторической судьбы, связавшей Россию с религией погибшей Византии, и самого характера сложившейся в ней государственности, задержалась где-то между Западом и Востоком и не приобрела традиций ни того, ни другого.

Вопросы российской государственности легли и в основу исторических изысканий С.М. Соловьева, рассматривающего развитие своей страны в широкой ретроспективе, от Рюрика до Екатерины Второй. С.М. Соловьев полагал, что государственность есть основная сила общественного процесса, появляющаяся в истории как необходимая форма существования народа. Историк признавал внутреннюю обусловленность и закономерность исторического процесса и одним из первых выделил географическую среду обитания в качестве влиятельного фактора истории.

Значительную роль в обсуждении исторической судьбы России сыграли дискуссии западников и славянофилов (1840–1850 гг.). Западники (П.В. Анненков, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, Б.Н. Чичерин и др.) говорили об однолинейном развитии мировой истории, лидерами которого являются передовые страны Западной Европы, а другие стра-

ны, в том числе и Россия, «отстают». Следовательно, главная задача российских историков – выяснить причины этого замедленного развития России.

Славянофилы (И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.И. Киреевские, А.И. Кошелев, А.С. Хомяков и др.) противостояли западникам, выступая за многовекторность исторического развития и самобытность исторического пути России, основанную на традиционных российских ценностях: патриархальности, консерватизме, православии.

Н.Я. Данилевский, несколькими десятилетиями позднее развивавший идеи славянофилов, настаивал на том, что Россия стоит у истоков будущей славянской цивилизации. Он видел в основе будущей великой культуры терпимость, отсутствие властных амбиций, склонность к общинному образу жизни и высокую нравственность славянских народов.

Во второй половине XIX в. русские мыслители (К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев и др.) пытались раскрыть внутренний мир русского человека, понимание которого могло бы прояснить и многие проблемы исторического существования России.

Одним из наиболее оригинальных решений проблемы культурно-исторического своеобразия России была евразийская доктрина, созданная после революции 1917 г. группой вынужденных российских эмигрантов (П.И. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский и др.). Они подвели своеобразную черту под дискуссиями XIX в. о цивилизационной принадлежности страны, заявив о том, что Россия не является ни Востоком, ни Западом, представляя собой самостоятельную евразийскую цивилизацию, в которой неразрывно сплелись православные и туранские элементы. Согласно воззрениям евразийцев, история современной России начинается в период татаро-монгольского вторжения, включившего страну в орбиту империи Чингисхана, и положившего начало интенсивному взаимодействию двух культурных традиций. Взгляды евразийцев на историю России радикально отличались от прежних позиций отечественной историографии, рисующей картину чудовищного разорения Руси монголами. Новые интерпретации российской истории способствовали переоценке ряда ее коренных вопросов, в том числе истоков и характера российской государственности, особенностей национальной культуры.

История России по-прежнему изобилует дискуссиями, и, давая немало ответов тому, кто хочет спрашивать, ставит перед современностью ряд собственных, «вечных» вопросов, т.к. в любой период времени история и современность связаны каналами взаимного влияния. В основе любого общественного самосознания лежит историческое сознание – совокупность сложившихся представлений о человеке и его месте в обществе сквозь призму пространственно-временных отношений, взаимо-

связей прошлого, настоящего и будущего. По выражению М. А. Барга, «это духовный мост, переброшенный через пропасть времени», мост, сохраняющий целостность и преемственность исторической памяти, без которой нет и не может быть духовно здорового общества.

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Традиционные общества Древнего Востока.
2. Античность.
3. Средневековое общество Европы.

Традиционные общества Древнего Востока

Традиционное общество в своем развитии прошло две глобальные стадии, традиционное общество с присваивающим типом хозяйства, охватывающее период с древнекаменного века – палеолита (2,6 млн лет) до новокаменного века – неолита (VIII–VI тысячелетия до н. э.) и традиционное общество с производящим типом хозяйства, переход к которому получил название «неолитической революции». Смена типов хозяйства не означала исчезновения обществ с присваивающей экономикой: общества собирателей и охотников, рыболовов продолжали существовать и развиваться, у ряда народов складывалась комплексная экономика, сочетавшая присваивающий и производящий виды хозяйственной деятельности. Английский археолог Г. Чайлд, который ввел в научный оборот понятие «неолитическая революция», так определил ее историческое значение: «она открыла людям более надежные, богатые и постоянные источники пищи, находящиеся под контролем человека». Переход к производящему типу хозяйства, содействуя увеличению биологических ресурсов, необходимых для питания, изменил взаимоотношения человека с окружающей средой и структуру общества. Здесь надо оговориться: великое революционное значение нового хозяйственного уклада неолитических племен заметно проявилось через сотни, даже тысячи лет после появления первых земледельцев и скотоводов. Это была революция в проекции на будущее. Переход от присваивающего хозяйства к производящему представляет собой достаточно длительный процесс, который в Старом Свете растянулся на 2–3, а в Новом – на 3–4 тысячелетия.

В IV–II тыс. до н.э. на развалинах первобытнообщинного общества в долинах Нила и Двуречья, Инда и Хуанхэ возникают древнейшие цивилизации: появляется общество, разделенное на классы, а с ним госу-

дарство с его учреждениями, города и городская жизнь, профессиональная культура и письменность.

Большую роль в исторических судьбах Древнего Востока играли великие реки: Нил, Ефрат, Тигр, Инд, Ганг, Хуанхэ. В III тыс. до н. э. появляются внушительные по размеру общественные сооружения, оборонительные стены для защиты от нападений врагов, т. е. возникают города. Они становятся центрами управления и религиозного культа, в них концентрируется ремесленное производство. Появляется новый социальный институт – рабство. Рабство стало возможным и даже необходимым на той стадии развития общества и его производительных сил, когда отдельный индивидуум мог дать не только необходимый, но и прибавочный продукт.

В странах Древнего Востока постепенно сформировались три основных класса: класс рабов и близких им подневольных работников, класс мелких производителей и господствующий класс, куда входили землевладельческая, придворная и служилая аристократия, командный состав армии, жречество, состоятельная верхушка земледельческих общин. Каждый класс не был монолитен и однороден, а состоял из нескольких слоев, различавшихся по юридическому и бытовому положению, имущественной состоятельности.

Довольно сложная классовая и социальная структура свидетельствует о высоком уровне развития древневосточного общества по сравнению с первобытным. Вместе с тем нужно отметить относительно замедленный темп развития древневосточных стран по сравнению с древнегреческими полисами и Древним Римом. Это проявилось в застойном характере древневосточной экономики, слабом развитии товарного производства, медленном совершенствовании техники и технологии, в неглубоком разделении труда. Сами рабовладельческие отношения не достигли глубины и масштаба, которые характерны для Древней Греции и Рима.

Важнейшей составляющей общественного устройства на Древнем Востоке является существование общин – основных социальных и территориальных единиц. Любое древневосточное государство, за исключением немногих городов, состояло из множества сельских общин, каждая из которых имела свою организацию и представляла собой замкнутый мирок.

Внутри общин существовала имущественная и другая дифференциация, выделялись богатая и знатная верхушка и бедняки, арендаторы чужой земли. Богатые и знатные общинники имели в своем распоряжении рабов. Несмотря на это община сохраняла коллективистские формы жизни и производства, что тормозило развитие частнособственнических отношений. Устойчивость общинной организации, коллективных начал

в быту и производстве объясняется особенностями древневосточной экономики, социальной структуры и форм государственной власти, прежде всего, организацией ирригационного земледелия. Отдельная семья, небольшое поселение не могли справиться с могучей речной стихией. Требовалось объединение усилий многих общин, руководимых государственной администрацией, чтобы создать систему каналов, водохранилищ, дамб и плотин.

Необходимость объединения и координации усилий многих общин способствовала возрастанию роли государственной власти в странах Древнего Востока, созданию специфической формы такой власти – неограниченной монархии, которую часто называют «древневосточной деспотией». Специфика такого государства состояла в том, что оно выступало как верховный организатор системы искусственного орошения, необходимого для нормальной хозяйственной жизни в стране. Активное вмешательство государства на хозяйственную жизнь страны привело к появлению многочисленной администрации, организованной по бюрократическому принципу: деление на ранги, субординация, общественное положение в зависимости от места по служебной лестнице.

Государство рассматривало орошенную землю в качестве собственной: государственной или царской земли. В странах Дальнего Востока, однако, понятие полной собственности вряд ли применимо к государственной или царской земле. Это была скорее не собственность в современном смысле слова, а право распоряжения и контроля, получения определенного налога.

Вместе с тем значительная часть земли была сосредоточена непосредственно в руках древневосточного деспота и зависимо от него жречества. На этих землях были организованы крупные царские и храмовые поместья, где трудились рабы, рабочие отряды зависимых лиц, многочисленные арендаторы. Таким образом, в руках деспота сосредотачивалось большое количество производимой в стране сельскохозяйственной и ремесленной продукции, других материальных ценностей, получаемых непосредственно из царских имений или в виде налогов со всего населения.

Древневосточная деспотия, как специфическая форма рабовладельческой монархии, формировалась в течение длительного времени, постепенно преодолевая традиции родовой демократии. Ранние формы примитивной монархии постепенно переходили в ту или иную разновидность деспотии. Важной особенностью древневосточной деспотии являлось особое положение главы государства – правителя-деспота. Царь считался носителем не только всей полноты власти, законодатель-

ной, исполнительной, судебной, но вместе с тем признавался сверхчеловеком, ставленником богов, их потомком или даже одним из богов.

Обожествление личности царя-деспота – важная особенность древневосточной деспотии. Однако в разных странах Древнего Востока степень деспотизма была то наиболее полной, как деспотия в Древнем Египте, то весьма ограниченной, как, например, власть царя у хеттов.

Для многочисленных племен, народностей и этнических групп Древнего Востока характерны интенсивные военно-политические, торговые и культурные связи, этнические контакты и скрещивания, приводившие к смешению населения и появлению новых, более сложных этнических образований. В создании древневосточной цивилизации принимали активное участие все племена, народности и этнические единицы, проживавшие в странах Древнего Востока.

В длительной революции некоторые из дальневосточных стран достигли высокого социально-экономического, политического и культурного уровня. Можно отметить высокий уровень цивилизации в Древнем Египте, Месопотамии, Финикии, у хеттов в Древней Индии, Древнем Китае. Здесь были созданы мощные центры высокоразвитой культуры, которые оказали влияние на соседние, более отсталые области, стимулировали их развитие.

В IV–III тыс. до н. э. многие регионы Древнего Востока (Египет, Месопотамия, Индия) развивались сравнительно изолированно, но к середине II тыс. до н. э. между различными областями Ближнего Востока установились экономические, политические и культурные контакты, а в I тыс. до н. э. – система тесно связанных разнообразными отношениями стран, общение между которыми обогащало каждую местную культуру.

Сложилось, таким образом, известное единство древневосточного мира, сыгравшее заметную роль в поступательном развитии региона и всего человечества.

Античность

Когда речь идет об античном мире, подразумевается, как правило, некая совокупность греческой и римской культур. Античный мир принадлежал к тому этапу исторического развития человечества, на котором у общества ещё не было возможности выйти за пределы такого простого общественного организма как гражданская община. Близость традиционных обществ Греции и Рима можно констатировать, прежде всего, в отношении сходных государственно-политических форм и так называемого «полисного сознания».

Гражданская община поэтому постоянно в том или ином виде сохранялась, а нормы, на которых она была основана, играли роль сло-

жившегося в прошлом, но неизменно актуального и непреложного образца. Устройство гражданской общины, предполагающее коллективный способ управления, определило особый «полисный менталитет»: у греческих и римских граждан сложилось представление о высокой ценности свободы; человек воспринимался, прежде всего, как «гражданин», который должен ставить общественные интересы выше частных.

Такое единство полисного сознания является, как правило, основанием для типологического сближения греческой и римской культур. Хозяйственное и социально-политическое развитие, однако, как бы оно ни было ограничено, происходило неизбежно в любых условиях, и именно оно вело к обогащению и усложнению общества, требовало выхода за пределы общины, разлагало ее и подрывало ее нормы.

Средневековое общество Европы

Средневековое общество было, прежде всего, обществом аграрным. Деревня являлась центром экономической и социальной жизни. Земля почиталась главной ценностью. Аграрный пейзаж средневековой Европы в своих основных чертах сложился и XI–XII вв.: крестьянская колонизация представляла собой уникальное по массовости и результативности явление. Сводились леса, выкорчевывались деревья, осушались болота, строились дамбы, земля отвоевывалась у моря.

Крестьяне в средние века не обладали собственностью на землю, она признавалась привилегией господствующего сословия. Крестьянин лишь пользовался землей, выполняя в пользу ее собственника определенные повинности. Их форма (денежная рента, натуральный оброк, барщина) и объемы широко варьировались и определялись юридическим характером зависимости крестьян от землевладельца. Зависимость могла быть поземельной или личной. Но и лично зависимый крестьянин не был прикреплен к земле и ее владельцу. Крепостного права западноевропейское средневековье не знало.

Уже с XIII в. начался процесс освобождения крестьян, которые выкупали наиболее тяжкие повинности и обретали личную свободу. Европейский крестьянин уже в XIV–XV вв. стал свободным, хотя и не добился юридического признания своих прав на землю.

Отношения крестьян с землевладельцами, основанные на указанных принципах, поддерживались в рамках сеньорий. Различавшиеся по объемам и формам повинностей, компактные или разбросанные по разным деревням и областям, сеньории представляли собой важнейший социальный институт средневековья, который позволял реализовывать права земельной собственности и обеспечивал выполнение лежащих на

крестьянах-держателях земли повинностей. Сеньор в пределах своих владений являлся своеобразным государем.

В XI–XII вв. землевладелец, как правило, имел собственное хозяйство (домен), земля которого обрабатывалась барщинным трудом крестьян. С XIII в. домен исчезает, земля сдается в аренду и возникает так называемая чистая сеньория.

Наряду с сеньорией существовала крестьянская община. Она регулировала порядок пользования угодьями, разбирала мелкие правонарушения, помогала вдовам и сиротам, организовывала совместные работы, крестьянские праздники.

Говоря о земле, нельзя не сказать о той особой форме земельного держания, от которого, собственно, и происходит термин феодализм. Главной юридической характеристикой феода являлась его условность. Земля давалась на условиях выполнения определенной службы, чаще всего военной, в пользу сеньора. Формально временное держание на правах феода реально было наследственным: уплата специального взноса позволяла сыну вступить во владение феодем отца. Полученное от сеньора держание можно было передать другому лицу на тех же условиях.

Земельный феоде был одним из элементов вассально-ленных отношений, определявших структуру господствующего военного сословия – рыцарства. Именно в Западной Европе вассалитет достиг своих наиболее зрелых и разработанных форм. В сущности, он являлся своеобразным договором, согласно которому вассал просил о покровительстве сеньора и обещал ему военную службу, помощь советом, участие в суде, моральную поддержку. Сеньор, в свою очередь, обязывался защищать вассала от притеснений других лиц. Очень скоро вассальные отношения, личные по своему характеру, были дополнены отношениями поземельными: как правило, вассал получал от сеньора феоде. К XIII в., однако, все чаще вместо земли сеньор предоставил вассалу определенные доходы от нее, позже – в XIV–XV вв. просто денежное содержание.

Выстраивалась вассально-сеньориальная иерархия. Главой ее считался король, от которого зависели непосредственные вассалы – графы, князья, герцоги, другие представители титулованной знати. Ниже стояли бароны – и так до одноштитных рыцарей, не имевших своих вассалов. Эта иерархия, стройная на бумаге, реально представляла собой крайне сложную цепь отношений. Отсюда бесконечные споры и распри, доходившие до вооруженных столкновений и частных войн.

Частная власть сеньоров неизбежно ослабляла публичную власть государства. С XII в. набирающая силу королевская власть повела наступление на политическую самостоятельность крупной знати, используя то же оружие – вассалитет. Решающий сдвиг в большинстве стран

Западной Европы произошел только в XIII–XIV вв., когда оформились так называемые сословно-представительные монархии и начал утверждаться новый статус короля: не верховного сеньора, но носителя публичной власти.

Хотя средневековое общество было аграрным, это не значит, что города не играли сколько-нибудь значительной роли в экономической и политической жизни. Без городов западноевропейской цивилизации средневековья не было бы. По своим размерам, уровню благосостояния и численности населения города средневековой Европы уступали городским центрам Востока, Византии, Арабского халифата. В лучшие времена в городах жило не более 10 % европейцев.

Ремесла и торговля, сосредоточенные в городах, формировали тот сектор средневековой экономики, который в отличие от натурального аграрного производства был средоточием товарного хозяйства, теснейшим образом связанного с формированием и становлением рынка. В этом смысле городская экономика была более подвижна, она давала стимулы для многих изменений, происходивших в деревне. Города являлись центрами денежного обращения и финансовой деятельности.

Велико было и политическое значение городов. В XI–XIII вв. городское население развернуло борьбу за освобождение всех форм сеньориальной зависимости и самоуправления. Коммунальное движение (от слова «коммуна» – орган самоуправления) завершилось в отдельных регионах созданием городов-коммун, фактически являвшихся городами-государствами (Северная Италия, Южная Франция, некоторые районы Германии). Большинству городов удалось добиться самоуправления, ограниченного органами королевской администрации (Северная Франция, Англия). Сформировалось особое городское сословие – бюргерство.

Городское ремесло было организовано по цеховому признаку. Цех объединял мастеров одной специальности, подчинявшихся действию особых уставов. Регламентация была, таким образом, формой принуждения, осуществлявшегося всеэкономическими способами. Узость рынка требовала ограничить конкуренцию – цеховое принуждение, в тех условиях необходимое, сковывало свободу хозяйственной деятельности. Кроме того, ремесленник, как и крестьянин, не имел представления о прибыли.

Чтобы заниматься ремесленным производством и стать мастером (хозяином мастерской) нужно было быть полноправным горожанином, принадлежать к городскому сословию. Собственность мастера, подобно земельной собственности сеньора, носила сословный характер.

Средневековое общество оставалось обществом сословным, корпоративный дух, безусловно, торжествовал. Крестьянство конституировало себя через принадлежность к общине. Все отношения крестьянина с

внешним миром, в том числе и отношения с сеньором, в конечном счете, окрашивались фактом его включенности в общину.

Рыцарство само по себе выступало военной корпорацией, принадлежать к которой мог лишь тот, кто имел землю и достаточные средства, чтобы купить коня и вооружение, и был охвачен системой вассально-ленных отношений. Вступление в рыцарское сословие сопровождалось особым ритуалом посвящения, оформился своеобразный этический кодекс, определявший правила поведения рыцаря. Нарушение этих норм каралось изгнанием, лишением рыцарского достоинства.

На корпоративных принципах оформлялось и городское сословие бюргерства. Сам город мыслился замкнутым обществом, которое отделено от всего мира неприступной стеной крепостных сооружений и обладает специфическим комплексом прав и привилегий. Ремесленные цехи, купеческие гильдии, союзы подмастерьев – все они составляли корпорации средневековые по сути и духу.

Корпоративные начала определяли и положение духовенства. Совершение особого таинства – таинства священства – предшествовало принятию духовного сана. Лишение сана за недостойные действия и помыслы разрывало все связи клирика с церковной корпорацией. Церковь занимала исключительное положение в духовной жизни средневековья, которая была, в первую очередь, жизнью религиозной. Известна максима католицизма: «Вне церкви нет спасения». Церковь обладала колоссальными мирскими богатствами и занимала исключительное положение в сфере образования и науки. Духовенство сохраняло элементы античной образованности, монастыри имели богатые библиотеки, скриптории (мастерские по переписке книг), содержали начальные школы. Церковь контролировала университеты. Из рядов духовенства вышли все крупнейшие представители средневековой философии: Фома Аквинский, Ансельм Кентерберийский, Иоанн Солсберийский и др.

В заключение отметим: средневековое общество Европы являлось обществом традиционным. Преобладание аграрных занятий и интересов, сельское хозяйство и ремесло, основанные на ручном труде и непосредственной передаче накопленных производственных навыков из поколения поколению, следование обычаю, возведенное в высший нравственный закон, устойчивая и малоподвижная система ценностей, основанная на христианских заповедях и угнетении церкви, стремление к внутреннему единству и внешнему обособлению, корпоративная замкнутость сословий и социальных групп, дорожащих свободами и привилегиями, за ними закрепленными, общинность, поглощающая личность, – таковы его основные черты.

Традиционный тип цивилизации не исключал ее способности к развитию и изменениям, о них говорилось выше: эволюционировала сеньория, менялись формы крестьянской зависимости, росли города, развивалась торговля, усложнялись финансовые операции, новые религиозные догматы, менялись, пусть медленно, духовные ценности и нормы жизни.

Средневековая Европа в конце XV в. подошла к определенному рубежу, за которым открывались новые горизонты.

СЛАВЯНСКИЙ МИР РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Индоевропейцы и древнеевропейцы – предки славян.
2. Проблема происхождения славян.
3. Расселение славян в середине I тыс. нашей эры.
4. Консолидация славянских племен, образование ранних славянских государств.
5. Религиозные верования славян.
6. Восточные славяне: происхождение, культура, этнические контакты.

Индоевропейцы и древнеевропейцы – предки славян

Предками поляков, чехов, словаков, украинцев, белорусов, русских, сербов, хорватов и некоторых других народов Европы являлись славяне. Кто такие славяне? О дописьменной и догосударственной истории славян представление составляет на основе данных исторической лингвистики (языкознания), археологии, этнографии, ономастики (отдела языкознания, изучающего имена собственные), антропологии (науки о происхождении и эволюции человека), фольклористики.

Известно, что славянские племена вместе со своими древнеевропейскими соседями (германцами, кельтами, греками, италийцами, балтами, армянами, албанцами, древними анатолийцами, фракийцами, иллирийцами и т.д.) принадлежали одной индоевропейской языковой семье. Кто такие индоевропейцы? Когда возникла эта культурная общность? Где находилась ее прародина? Поиски ответов на эти вопросы уводят нас в далёкие времена.

10–12 тыс. лет назад экологическая ниша Европы радикально изменилась, что стало следствием существенного похолодания, «сползания» скандинавского ледникового «щита». Европа в природном отношении разделилась на две части – западную и восточную. В 5 тыс. до н. э. постепенно отступали лиственные леса на юг. Этот глобальный экологический кризис способствовал переходу от присваивающего хозяй-

ства к производящему, а также нарушил прежнее, тесное общение народов. Начинались процессы этнического самоопределения.

Ещё в XIX в. ученые заметили, что значительная часть народов Евразии имеет лингвистическое сходство. Достаточно привести пример со словом «мать», которое имеет языковые аналоги в литовском языке – «*motima*», в латвийском – «*mate*», в древнерусском – «*muti*», древнеиндийском – «*mata*», древнеиранском – «*matar*», новоперсидском – «*madar*», латинском – «*mater*», ирландском и английском – «*mathar*». Или другой пример с глаголом «искать», который в сербохорватском языке звучит как «*искати*», в литовском – «*ieskoti*», древнеиндийском – «*icchati*», английском – «*to ask*» и т. п.

На основе подобных совпадений было установлено, что все эти языки имели общую основу, а по месту обитания соответствующих народов их называли индоевропейцами. Археологи и лингвисты определили, что индоевропейская языковая общность существовала в VI–V тыс. до н.э. Где же находилась прародина древних индоевропейцев? В науке о древности есть такое понятие как «аргументы места». В лингвистике – это слова-указатели географических реалий. Кроме данных исторической лингвистики, ученые используют археологические методы поисков прародины тех или иных народов. Опираясь на данные науки, можно определить следующие локализации древних индоевропейцев. Во-первых, это балкано-дунайская локализация, во-вторых, южно-русская, в междуречье Днепра и Дона; в-третьих, волжско-прикаспийская – причерноморская. И, наконец, в последнее время получает серьёзную аргументацию и выглядит наиболее убедительной так называемая «азиатская или восточно-анатолийская «концепция» исходной прародины индоевропейцев. Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов и другие защитники этой версии доказывают, что индоевропейская общность зародилась в Восточной Анатолии, на южном Кавказе, в Северной Месопотамии.

В IV–III тыс. до н. э. она начинает распадаться. Дело в том, что на рубеже IV–III тыс. до н. э. началась новая волна климатических изменений, понижения температуры, усиление континентальности, что имело следствием более жаркие летние и более холодные зимние месяцы. Все это привело к снижению роли земледелия и, наоборот, повышению значимости скотоводства в хозяйстве индоевропейцев. Скотоводство требовало пастбищ, а следовательно, и новых территорий. Именно тогда европейцы обратили свои взоры к степям Евразии. Изобретение колесницы, приручение лошади сделало их более подвижными. Распад индоевропейской общности был неминуем.

В это же время из среды индоевропейцев выделился так называемый «древнеевропейский» языковой союз, племена которого рассели-

лись в Северном Причерноморье и приволжских степях. Расселение племён этого союза в Центральной и Западной Европе привело к возникновению италийского, кельтского, иллирийского, германского, балтского и славянского языков и соответствующих народов.

Несмотря на дискуссионный характер рассматриваемой проблемы, несомненно то, что в VI–V тыс. до н. э. существовала некая культурная общность племён, расселившаяся на территории от Европы до Индии, распад которой привел к образованию целого ряда народностей. Очевидно и то, что среди выделившихся группировок была древнеевропейская, обладавшая поначалу культурным единством.

В результате первой волны миграции (с IV тыс.) древнеевропейцы расселились в Рейнской области, на Дунайских землях, Ютландском полуострове, юге Скандинавии, Финляндии, Юго-Восточной Прибалтике, в верховьях Днепра, в районах Верхней и Средней Волги, в Поильменье. И если в Центральной и Западной Европе индоевропейцы ассимилировали местные племена (о чем свидетельствует широкое распространение в указанном ареале индоевропейской шнуровой керамики), то на Севере они были поглощены племенами рыболовов и охотников.

В III тыс. до н. э. началась вторая волна древнеевропейской миграции, в результате которой они заняли территории от Пиренейского полуострова и Британии до Среднего Дуная и создали там «культуру колоколовидных кубков». Распад древнеевропейской общности был длительным и трудным. Следствием его стало появление «западных древнеевропейцев» (культура «курганых погребений» и «полей погребальных урн»). Западные древнеевропейцы расселились от Рейна до Карпат. В этническом плане это были будущие кельты, германцы, иллирийцы, италики и славяне. Одна из культур западных древнеевропейцев – Лужицкая (в бассейнах рек Одера, Вислы, правобережной Эльбы) имела прямое отношение к формированию славянского этноса.

Следует отметить, что западные индоевропейцы отличались единством языка. Учёные показали, что ремесленная (гончарная, кузнечная, текстильная) лексика раннеславянских диалектов близка соответствующей лексике италиков, германцев и даже кельтов.

В VI в. и до конца IX в. вторжение скифов (ираноязычных племён) в районы Вислы и Одера и их контакты с племенами Лужицкой культуры положили начало формированию собственно славянского этноса. Ещё одной его компонентой были племена Польского Поморья, которые пришли в сер. VI в. до н. э. в районы Вислы и растворились в местном лужицком населении. В результате в районах Вислы, Варты, Припяти, Волыни сформировалась культура «подклошевых погребений» (остатки трупосожжений, что было характерно для ранних славян, по-

мещались под колоколовидным керамическим сосудом – «клошом», польски).

Это была, пожалуй, первая протославянская общность, впервые проявившая черты общеславянской ранней культуры. Раннее славянское поселение не имело укрепленных жилищ. Сами жилища имели форму полуземлянок или наземных столбовых конструкций. Погребальный обряд осуществлялся через трупосожжение и бескурганное, урновое или безурновое захоронение его остатков. Население пользовалось керамическими горшками яйцевидной формы, выпуклобокими амфорами, кубками, клошами, мисками с ребристыми краями, кувшинами. Земледельцы выращивали просо, пшеницу, ячмень, горох, бобы, лён. Ранние славяне уже использовали плуг, железные орудия труда. Таким образом в культуре «подклошевых погребений» начали формироваться традиционные особенности раннеславянской бытовой, хозяйственной культуры. Здесь же в тесном контакте с балтами, германцами и другими народами складывался славянский язык. Германцы называли ранних славян «венетами».

Ранний славянский язык пополнялся германизмами: «кънезь» – князь, «chl eb» – печёный хлеб, «bludo» – блюдо, «котъль» – котёл, «kupiti» – купить, «chlev» – хлев, «selmъ» – шлем, «dъlgъ» – долг, «hъlmъ» – холм, «mecъ» – меч и другими.

Расселение славян

Во II в. до н. э. под напором кельтов праславяне расселились из районов Вислы в Припятское Полесье и близлежащие среднеднепровские земли. Там сформировались «зарубинецкая», а позже «киевская» культуры (названия даны по археологическим памятникам), население которых испытало влияние балтов, скифов, местных племен. К культурным достижениям раннего славянства прибавился очаг, двухскатная соломенная или глиняная крыша, железный серп, коса, топор, долото, рыболовные крючки, шило, иглы, бронзовые украшения и т. п. Что касается Киевской культуры, то ее население в большей степени использовало кость, а не железо, а также глиняные пряслица, тигли и очень редко жернова и каменные зернотерки.

Население этих посёлков употребляло провинциальные римские изделия: гончарную посуду, фибулы (специальные застёжки для одежды), пряжки, стеклянные бусы, костяные гребни, серебряные монеты. Киевское население, кроме того, использовало украшения с выемчатой эмалью, что свидетельствовало о контактах с балтами, которые владели соответствующей технологией.

В районе Дуная и Прикарпатья во II–V вв. н. э. проходили процессы ассимиляции славянами готского и скифо-сарматского населения. В результате такого этнического симбиоза родилась славянская общность, которую письменные источники называют антами. Этноним имеет не славянское, а скорее всего индо-иранское происхождение («живущие на окраине», иран., или *antas* – «край», «конец», инд.)

В IV–V вв. началось активное расселение всех народов Европы, в том числе и славянских. Что же заставило племена сдвинуться с освоенных мест? Историки отмечают несколько причин «великого переселения народов». Во-первых, в очередной раз природа преподнесла сюрпризы. Резкое похолодание, увеличение увлажненности почвы, повышение уровня рек и озёр заставляли людей покидать обжитые места. Во-вторых, восточные кочевые племена – гунны – начали свое продвижение на запад. В 70-е годы IV в. они вторглись в ареал славянских и германских племен, а также в пределы Римской империи. Под влиянием вышеперечисленных факторов славянская культурная общность начала распадаться.

Консолидация славянских племенных союзов.

Славянские протогосударства и ранние государства

Выделилось несколько крупных группировок славянства. Пражско-Корчакская славянская группировка расселилась на реках Сава, Висла, Днестре, именно её Иордан назвал славинами. Это было первое упоминание славян под своим этническим именем. По поводу этого этнонима в исторической науке есть несколько предположений. Наиболее убедительной представляется гипотеза о его происхождении от понятия «слово», что означало в те времена «ясно говорящие» в отличие от немцев, т. е. «немых». В этой группе были также дулебы, висляне (в районах Верхнего и Среднего течения Вислы), поляне (Верхнее и Среднее течение Варты), ленчицане и середзяне, слензяне (Средний и Верхний Одер), дедошане и бобряне (по реке Бобр). Именно эти племена составили основу будущей польской народности. В Среднем Подунавье складывались народности чехов и словаков, основой которых стали славянские племена сепдличан, лучан, дечан, пшован, дулебов, чехов, моравов и др. Между верхним течением Западного Буга и Днепра расселились дулебы, от которых в VII–IX вв. отпочковались волыняне, древляне, поляне и дреговичи.

На юго-востоке раннесредневекового славянского мира выделилась племенная группировка антов. Они имели специфическую лепную керамику, земляные жилища, характерные только для них фибулы для женской одежды – пальчатые застёжки с маскообразными основа-

ниями. Интересно то, что анты имели только групповые могильники. В V–VI вв. анты расселились в левобережной части Среднего Поднепровья и достигли Северского Донца, а в западном направлении – Дуная и Азовского моря.

Согласно описаниям Прокопия Кесарийского, анты и славяны пользовались одинаковым языком, имели сходный быт, общие верования и даже похожую внешность. После 602 г. имя антов не встречается в письменных источниках. Одни исследователи считают, что анты были истреблены аvaraми, другие – что на их основе сформировались новые славянские племена (тиверцев, уличей, хорватов). Археологические раскопки подтверждают скорее вторую версию, нежели первую.

В начале VII в. произошла новая волна славянского расселения, вызванная вторжением в Европу аваров. По приглашению Византийского императора Ираклия славянские племена сербов и хорватов поселились на опустошенных аvaraми землях Византийской империи. Во второй четверти VII в. в Среднем Подунавье создается крупное политическое объединение славян во главе с сербами, которое вскоре стало частью аварского каганата. Здесь на основе этнического синтеза сербов, аваров, наречан, захлумян и др. славянских племен складывается сербская народность. В борьбе с аvaraми рождалась хорватская народность. В середине VII в. хорваты создали свое протогосударство – княжество в Далмации. Оно находилось под верховной властью франков. Названия «сербы» и «хорваты» – иранские. Слово «хорваты» произошло, скорее всего, от иранского «страж скота», однако, возможно и от этнонима «сарматы» («женские», «изобилующие женщинами»).

Наряду с венетами и антами, в середине I тыс. н. э. формировалась третья большая культурно-племенная группа славян. Часть славянских племен под влиянием природно-климатических факторов в IV–V вв. переселилась из районов Среднего Повисленья в Новгород-Псковские земли. Страх перед разливами рек заставлял их селиться на возвышенностях и вдали от водоёмов. На новом месте они входили в контакты с местным финно-балтийским населением, которое, в отличие от пришельцев, не знало земледелия и скотоводства. Поселки славян не были укреплены и состояли из домов – срубов. Поселенцы использовали подсечно-огневую систему земледелия и по диалекту (языку) были ближе к балтам, чем другим славянам. Интересно то, что на новом месте пришельцы создали новый погребальный обряд. Остатки кремации (трупосожжения) хоронили в невысоких курганах. Могильники были коллективные, поэтому курганы были достаточно длинными, до 10–100 метров.

С конца VI в. на северо-западе Европы наблюдались серьезные климатические изменения. Наступало потепление, уменьшалась влаж-

ность, понижалось зеркало Балтийского моря, осушались болотистые местности. Все это позволяло славянам северных областей Европы продвинуться на 200–300 км вглубь Русской равнины. В VII в. они осели в бассейне озера Ильмень и реки Волхов и стали называться ильменскими словенами. Теперь уже люди селились чаще по берегам рек, озер, не опасаясь наводнений. Кроме традиционных земледельческих поселков, у них были укрепленные городские поселения (Старая Ладога, Новгород). У истока реки Волхов из озера Ильмень словене соорудили племенное святилище. На Перыньском холме, в священной роще стояла огромная деревянная статуя бога грозы и молнии – Перуна.

Словене имели специфический погребальный обряд. Остатки трупопожжения хоронили в высоких крутобоких насыпях, т. н. «сопках». Это были коллективные могильники, принадлежавшие большой семье, но росли они не в длину, а в высоту и ширину. В исторической науке есть несколько версий о происхождении ильменских словен. Одни ученые склонны считать их пришельцами из Западной и Средней Европы, другие видят их родство с балтийскими народами. На самом деле по антропологическому типу ильменские словене близки балтам (низкое или низко-среднее узкое лицо).

Видимо, балтийские славяне, отправившись в северное путешествие, задержались в псковско-новгородских землях, ассимилировали и захватили с собой местное население, прибыли в район озера Ильмень и реки Волхов и сформировали здесь союз ильменских словен. Оставшаяся часть псковских и новгородских жителей стала называться кривичи («отрезанные»). В результате расселения других славянских групп образовались новые племенные союзы вятичей, северян, радимичей, дреговичей. Восточно-славянская народность – непосредственные предки русских – складывалась в рамках древнерусского государства на основе этнического синтеза венетов, актов, славян псковско-полоцких и словен ильменских.

Расселившиеся в юго-западном направлении (в северной Германии и северной Польше) славянские племена полабов, вагров, варнов и ободритов участвовали в складывании этнокультурной общности ободритов (что означало по одной версии – «живущие по обе стороны Одера» и по другой – «те, кто грабит, обдирает»). Ободриты были союзниками Восточно-Франского государства. Они построили много укрепленных городов, центров политической жизни, ремесла и торговли.

В VI–VII вв. на Нижнем Одере поселилось племя велетов. Название его говорит само за себя. Славянский корень «вел» использовался для образования таких слов как «великан», «богатырь». Видимо, эти

богатыри отличались суровым нравом, ибо вторым этническим названием племени было «лютичи» (т. е. лютые).

В тесном контакте с германцами проходил этногенез словенцев. Славяне активно осваивали Балканский полуостров. Неслучайно византийские источники называют целый ряд политических союзов, т. н. «славиний» или «славий» племенных союзов, создававшихся как с оборонительными, так и с захватническими целями. После болгарского завоевания балканских территорий местные славянские союзы были покорены. Однако славяне ассимилировали завоевателей, приняв их этническое имя.

С VI в. славяне попали в Грецию. В IX–X вв., когда Греция вошла в Византийскую империю, славянство было ассимилировано народами империи. Наконец, славяне проникли в восточные области Франкского государства. В бассейне реки Майна (правого притока Рейна) они создали первое славянское государство под руководством Само (сер. VII в.). Ещё в IX в. этот район был известен как «Terra Slavorum». Впоследствии местное славянское население было полностью ассимилировано представителями романо-германской культуры.

Таким образом, в IV–VII вв. славяне пережили несколько миграционных волн, следствием чего стало ускорение процессов этногенеза.

Миграции способствовали консолидации племен. Они же приводили к появлению дружины, воинов. Появлялись благоприятные условия развития и возвышения княжеской власти. Постепенно союзы племен стали делиться на большие и малые племена и лишь в последних сохраняется вече – народное собрание. Большие племенные союзы хорватов, сербов, дулебов, кривичей занимали огромные территории. Некоторые славянские князья старались подражать византийскому императору, носили богатые одежды и умели говорить по-гречески. У некоторых племен (сербов, хорватов, полян) появились княжеские династии. Однако вторжения и завоевания кочевников прерывали этот естественный процесс внутренней эволюции племен к государственности. Так, например, случилось с балканскими славянами, когда они попали под болгарское управление. Дальнейшее развитие государственности шло здесь в условиях славяно-болгарского синтеза в Первом Болгарском царстве.

Внутренние тенденции к объединению славянских племен и росту самостоятельности княжеской власти нашли отражение в образовании государства Само в Центральной Европе, о котором уже упоминалось на страницах данного пособия. На территории Моравии, Чехии, Словакии в VII–VIII вв. племена оставались в пределах издавна занимаемых территорий. Политические процессы не форсировались миграцией. Катализатором их послужил натиск аварского каганата с юга и Франкской

империи – с запада. Легенда гласит, что к славянам пришел франкский купец Само. Он возглавил восстание против аварского господства, сбора дани, пленения жен и детей. После успешного восстания он правил в течение 35 лет, был богат, имел 12 жен и 37 детей. Таким образом, правителем государства был избран уважаемый человек, по его заслугам, доблести и мудрости. Это было типичное варварское королевство эпохи раннего средневековья.

Следующий этап складывания славянской государственности приходится на VII–X вв. Складывались и развивались Первое Болгарское царство, Сербское государство Рашка, Раннее польское государство, Великоморавское государство и, наконец, Древняя Русь. В VII–X вв. славянские народы создали ранние государственные образования или вошли в иноэтнические политические союзы. Болгары, покорив славян, основали Первое Болгарское царство. С VII в. известны также раннее сербское, хорватское, польское государство. В VII–IX вв. набирало силу Великоморавское княжество. В это же время складывались племенные княжения восточных славян, территории которых в IX в. были объединены в государство – Киевскую Русь. Таким образом, политогенез славянских племен протекал практически синхронно, может быть с некоторым опозданием (на 1–2 столетия) у восточных славян.

Каковы особенности ранних славянских государств?

Во-первых, все они достаточно долго переживали стадию перехода от племенной к государственной структуре. Фактически все славянские государства были союзами племен. Традиции племенной жизни были еще сильными: кое-где сохранялось всеобщее вооружение всех мужчин, вече – народное собрание, тысячная организация населения и т. п.

Во-вторых, в племенных союзах активно шел процесс складывания надобщинных, надплеменных государственных структур – княжеской власти, выделение княжеской дружины, княжеской администрации. Существенные изменения претерпевала социальная структура племен. Значение старой племенной знати уходило в прошлое. Формировалась новая знать, отбором которой занимался зачастую сам князь. При этом решающую роль играла служба князю, а не принадлежность к знатному роду, племени и т. п. В некоторых славянских государствах богатые люди также формировали новую знать.

В отличие от уравнительной социальной структуры племени раннее государство уже знает социальное неравенство. Наряду с племенной верхушкой, существовало значительное количество свободных земледельцев, а также зависимых людей (должников, например) и рабов.

В-третьих, в славянских государствах распадалась родовая община и формировалась соседская. Особенно быстро этот процесс протекал в

Хорватии, Великой Моравии. Здесь появилось много городов, что является следствием и одновременно фактором распада родовой общины.

В-четвертых, в большинстве славянских политических союзов верховным титульным собственником земли считалось государство. Где-то, например в Хорватии и Великой Моравии, князь выступал лишь как политический держатель государственных земель, а поземельные отношения строились на основе частного и бенефициального права (т. е. условного землевладения), а где-то, как например, в Сербии или Болгарском царстве, экономическая свобода землевладельцев ограничивалась государством. Эти различия, наряду с другими причинами, объясняются близостью или отдаленностью славянских государств к тем странам, где поземельные отношения строились на основе римского частного права.

В-пятых, ранние славянские государственные институты выполняли следующие функции: организовывали борьбу с кочевниками, защищали славянские территории, взимали подати, организовывали выполнение повинностей (например, строительной), регулировали социальные отношения (в большинстве славянских стран государство препятствовало обнищанию свободных общинников – потенциальных воинов и источник податей), вводили законы (например, «Закон судный людем» – раннее христианское законодательство, имевшее хождение во всех славянских странах), создавали благоприятные внутренние и внешние условия хозяйственной деятельности, устраняли остатки племенного сепаратизма, вводя для этого, например, территориальное деление государства вместо племенного и т. п.

В-шестых, христианство начинало оказывать существенное влияние на жизнь, быт, общественные отношения ранних славянских государств. Раннее польское, хорватское, моравское общество находилось под преимущественным влиянием западной христианской церкви, а сербское и русское общество – византийской христианской церкви.

Таким образом, на исходе раннесредневековой эпохи славяне создали государственность. Ряд факторов, в том числе близость к тем или иным очагам цивилизации (Византии, империи Карла Великого и т. п.) зачастую определяла социокультурные и политические ориентации молодых политических союзов.

Основой мировоззрения славян было язычество. Следует отметить, что о славянской религии до VI–X вв. осталось мало свидетельств. Язычество содержало в себе аниматические верования. Славяне были убеждены, что всё в природе живое: и камень, и огонь, и дерево, и молния. Анимические представления (представления о душе) покоились на убежденности в трансцендентности души, в ее способности переходить в другую плоть. Славяне верили в способность сверхъестественной силы

к метаморфозам, превращениям, обращениям человека то в козла, то в собаку. По их воззрениям сверхъестественной и, прежде всего, нечистой силой была населена вся вселенная. Постепенно из этой сверхъестественной силы, видимо, выделились языческие божества. К VI в. славяне имели не только пантеон богов, но и были близки к единобожию. Скромное влияние на культуру славян оказало христианство. В IX–X вв. большинство славянских народов принимает крещение.

На первом месте стояло обожествление сил природы. У славян насчитывалось до 400 языческих персонажей. Каждое племя поклонялось своим божествам. Наиболее известны были боги: *Сварог* – бог Неба, *Хорс* – бог Красного Солнца, *Ярило* – бог зрелого солнца, *Дажбог* – (Дающий бог) – божество Солнца, *Световид* – бог света. *Велес* – бог скота. Славянским Зевсом был бог грома и молнии Перун. Дом, баня, лес, водоемы населялись добрыми и злыми духами – домовыми, банниками, лесавками, русалками. Особо почитались родоплеменные божества и духи. Сородичи поклонялись мифическому родоначальнику – Деду. Отзвуки древнего заговора, обращенного к деду-пращуру, слышатся в современной детской присказке – «Чур! (т. е. Пращур) не меня!»

Люди верили, что с помощью церемоний, заговоров, молитв, жертвоприношений можно воздействовать на силы природы. Объектом особого почитания была земля, которую называли «матерью». Предметы, принесшие когда-то удачу, хранились долгое время. Амулеты носили для того, чтобы отогнать темные силы. Религиозные верования не могли не влиять на образ жизни славян. Они не знали понятие «греха». «Умыкание девиц» (воровство невест), сквернословие считалось обычной нормой и не осуждалось.

Особой церемонией сопровождалось погребение. В некоторых местностях трупы сжигали на костре, пепел собирали в специальную урну, которую выставляли на столбе, на перекрестке дорог. Считалось, что в течение 30 дней души покойников могут посещать дом, потому для них выставлялась жертвенная пища. Погребение сопровождалось тризной – поминками, которые состояли в пиршествах и воинственных играх. По истечении положенного срока урну хоронили. Как и многим варварским народам, славянам не был чужд обычай кровной мести.

Огромное влияние на культуру славян оказало христианство. Большой вклад в распространение христианского вероучения среди славян внесли греческие миссионеры, святые Кирилл и Мефодий, а также их ученики (IX–X вв.). Мефодий и Кирилл принадлежали к знаменитому роду города Фессалоники. Они с детства научились славянскому языку. Мефодий сначала был на военной службе и управлял славянской областью, а позднее постригся в монахи. Кирилл получил образование

при Константинопольском дворе, принял духовный сан и остался в столице. Позднее он поступил в Олимпийский монастырь, настоятелем которого к тому времени был Мефодий. По просьбе великоморавского князя в 862 г. византийский император послал братьев нести слово божие западным славянам. Братья перевели Святое Писание на славянский язык, составили славянскую азбуку, вели проповеди на славянском языке. Трудной была борьба между немецкими и греческими миссионерами. Немцы преследовали Кирилла и Мефодия и их учеников. В начале X в. Великоморавское государство попало под германское влияние, местные народы приняли крещение по Римскому обряду. Католичество утвердилось также среди ляхов (поляков), живших на реках Висле и Варге. Ученики Кирилла и Мефодия способствовали распространению православной веры в Болгарском царстве. В IX–X вв. большинство славянских народов приняли христианство, либо в католической, либо в православной его версиях.

К IX–X вв. четко определилось деление славян на западных, восточных и южных. Предками русских людей стали восточные славяне. Совсем недавно господствующей была точка зрения об исходном единстве восточного славянства, о распространении всех восточных славян из единого центра, которым, как правило, считалось Поднепровье. Единным считался и язык восточных славян, который, как полагалось, стал диалектным лишь во времена феодальной раздробленности. Однако, как показали исследования, такой подход является упрощенным и неточным.

Все больше сторонников находит точка зрения Д.К. Зеленина, высказанная им ещё в начале XX в. о полицентризме и полиэтнической базе формирования восточного славянства. Д.К. Зеленин писал, что южнорусское население отличается от севернорусского значительно больше, чем от белорусов. Этнические корни этого явления он видел в том, что славянство, принимавшее участие в складывании восточнославянской народности, не было однородным. Полочане, словене новгородские имели генетическое родство с западными и балтийскими славянами. Сейчас доказано, что словене ильменские по 20 важнейшим признакам отличались от днепровских славян (см. разд. «О происхождении и расселении славян»).

15 славянских племенных союзов заняли территорию от Южного Буга и Днепра до Волги, от Дуная до Волхова и положили начало древнерусской народности. Летописи сохранили их названия. На севере Восточно-Европейской равнины, около озера Ильмень и реки Волхов, жили, как нам уже известно, словене. Племенным центром их был город

Новгород. Почвы севера оказались малопригодны для земледелия, поэтому здесь развивались ремесла, торговля, промыслы.

На плодородных землях долины реки Днепр расселились поляне (поле). Их городом был Киев, название которого напоминает об его легендарном основателе – Кие (по одним источникам славянский князь, по другим – перевозчик на днепровской переправе). Как правило, славяне селились по берегам рек. Это было удобно для ведения земледельческого хозяйства и торговли.

По реке Припяти жили древляне (обитатели леса). Верховье Западной Двины, Волги, Днепра заняли кривичи и полочане. По реке Оке и Москва-реке – вятичи. По Соже и Десне – радимичи. По Десне, Сейме и Северскому Донцу – северяне, по Буту – бужане, волыняне, дулебы. Часть племен разместилась в Причерноморье (тиверцы, уличи).

Города славян были племенными и религиозными центрами. В зависимости от местности славяне занимались земледелием, скотоводством, звероловством, ремеслами, торговлей. Земледельческие племена, кроме деревянной сохи, использовали плуг с железным наконечником. Однако славянское земледелие длительное время оставалось подсечным. Посевы производились на месте лесных вырубок. Первые два–три года получали неплохой урожай, а затем переходили на новое место.

Славяне выращивали рожь, ячмень, пшеницу, овес, просо, бобы, горох, лен, коноплю; разводили домашних животных: коров, лошадей, овец, свиней, коз. Крестьянский труд составлял основу жизни народа. Неслучайно былины прославляли пахаря-богатыря Микулу Селяниновича. Славяне знали кузнечное, литейное, гончарное дело. Славяне были высоки, сильны, выносливы. Они отличались простотой быта. Питались грубой и даже сырой пищей, употребляя ячмень, просо, молоко, квас. На пирах пили хмельной напиток из меда. В теплое время года носили только белье, а в холодное – накидывали на плечи звериные шкуры. Обувью служили лыковые лапти. Оружие делали из дерева и железа. Широко использовались деревянные копья и стрелы. В условиях сурового климата им требовались теплые жилища, для строительства которых употреблялся лес. Это были срубы – дома из бревен, которые освещались масляными лампами. В случае опасности славяне уходили в леса и грады (города, защищенные земляным валом и деревянными стенами).

Геополитические условия (срединное положение между Востоком и Западом, однотипность природы, оторванность от морей, а значит, от мировых торговых путей, удаленность от «осевых цивилизаций», слабая заселенность территории, короткий цикл сельскохозяйственных работ) не способствовали индивидуализации хозяйственной и социальной

жизни, наоборот, обусловили консервацию родовых отношений и длительное сохранение общины – коллектива родственников или соседей, ведущих, как правило, частное хозяйство на земле, право распоряжения которой принадлежало всему коллективу.

Сход (собрание) общинников устраивал уравнительные переделы земельных участков и других сельхозугодий по справедливости, столь ценимой славянами. Ценностями общинного поведения становились взаимопомощь, терпеливость, сплочённость, преданность харизматическим (т. е. наделенным божественной благодатью) лидерам, склонность не к праву, но к воле. Еще и сегодня не забыты пословицы о пользе общины: «Миром (так называлась община) тору сдвинем», «С миру по нитке – голому рубашка» и др. В догосударственный период важную роль в племенах играли старейшины и военные вожди, а также народные собрания – вече.

На востоке соседями славян были тюркские народы, которые уже создали свои государства. Это Тюркский, Хазарский, Аварский каганаты, Волжская Булгария. Часть тюркских народов приняли ислам. Правители этих государств – каганы – имели неограниченную власть. В Хазарии официальной религией был иудаизм, что позволило Л. Гумилеву сделать предположение о том, что Хазарское государство было основано евреями, проделавшими в свое время путь из Вавилона через Кавказ в долину реки Волги и основавшими здесь свои поселения, в том числе крупнейший торговый город средневековья Итиль.

Славяне время от времени были данниками тюркских народов и хазар. На северо-востоке славяне мирно уживались с финно-угорскими народами (мордвой, весью, муромой, чудью). Финны были невысоки ростом, занимались звероловством, жили в землянках и шалашах, обменивали меха и кожи на оружие и арабские ткани, привозимые из Волжской Булгарии. Славяне селились среди финно-угорских племен, строили города Изборск, Белоозеро и другие.

Достаточно активными деятелями конца I тыс. н. э. были жившие на Скандинавском полуострове германские племена норманнов, которых европейцы называли «викингами», а славяне – «варягами». Это были отважные мореплаватели и воины. Известно, что один из норманнских конунгов (военных вождей) Лейф Счастливый уже в X в. на своих ладьях (так назывались корабли скандинавов) добрался до берегов Северной Америки. Викинги часто вторгались в европейские города и грабили их.

Славянские купцы нередко нанимали варягов для охраны своих торговых караванов, продвигавшихся по знаменитому в средние века торговому пути «из варяг в греки», маршрут которого начинался в

Скандинавии, пересекал Финский залив, реки Неву, Волхов, озеро Ильмень, реку Днепр и завершался в Византии. В рассматриваемое время норманны переживали процесс распада родовой общины. Молодые конунги рвали традицию и искали опоры не столько среди сородичей, сколько среди воинов-дружинников. Энергия пассионариев выплескивалась в завоевательные походы. На Западе земли предков россиян граничили с территориями западных славян и балтийских народов. И те, и другие все чаще попадали под католическое влияние.

Наконец, богатым и авторитетным соседом славян была Византия. Военные походы в Константинополь (Царьград) становились делом чести славянских князей. Реципрокные раздачи награбленного имущества поднимали авторитет племенных вождей, создавались возможности для выдвижения «способных и честлюбивых» на руководящие роли в общине.

К концу I тыс. н. э. у восточных славян накопилось немало проблем, решение которых было не под силу отдельным племенам. Это, например, потребности в обороне и ликвидации даннических отношений, установление торговых контактов с развитыми государствами, преодоление братоубийственного соперничества, развитие межплеменных обменов. Однако племенной сепаратизм, подогреваемый язычеством, оказался настолько велик, что не позволил создать единые, надобщинные властные структуры.

КИЕВСКАЯ РУСЬ И РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В IX–XIII ВВ.

1. Проблемы древнерусской государственности.
2. Христианизация Руси: причины и историческое значение.

Зарождение древнерусской цивилизации и государственности происходило в VII–IX вв. на территории Восточно-Европейской равнины, не затронутой в значительной степени поясом древних цивилизаций, в связи с чем этот сложный процесс шел эволюционно, и, как уже отмечалось, бессинтезно, т. е. без их влияния.

Известно, что своеобразие любой цивилизации и культуры, прежде всего, проявляются в государственности и религии, неслучайно эти две проблемы и выбраны для обсуждения.

Хронология и основные этапы становления государственности у восточных славян еще до конца не выяснены, но наиболее распространенной является точка зрения, что государство восточных славян, полу-

чившее политическо-географическое название «Русь» возникло в IX в. Именно к этому времени появились такие признаки государственной и политической организации:

1) подчинение власти центра земель союза славянских племен (окняжение территории);

2) выработалась система централизованного сбора дани (полюдье, погосты);

3) оформились органы управления, судопроизводства и подчинения (дружина).

Территориально Русь как государство складывалось постепенно. В 882 г. после завоевания (коварного захвата?) Киева легендарным князем Олегом объединились два протогосударства восточных славян – Приднепровье с центром в Киеве и Приильмень с центром в Новгороде. Возникшая вдоль пути «из варяг в греки» с центром на территории племени полян Киевская Русь постепенно включала в зону своего влияния славянские общества древлян, северян, радимичей, уличей, тиверцев, вятичей. Тем самым была образована своеобразная федерация полугосударственных образований славянских племен. Составными частями древнерусского государства стали территории, управлявшиеся представителями династии Рюриковичей. Эти территории именовались землями, княжествами, уделами, волостями.

Существует несколько теорий, объясняющих возникновение Киевской Руси. Остановимся на некоторых из них.

1. Известна «торгово-городская» теория. Ее автор – крупнейший отечественный историк В.О. Ключевский считал, что вся совокупность социальных, экономических, духовно-нравственных отношений в Древней Руси (т. е. все то, что и составляет государственность) были «прямыми и отдаленными последствиями, действиями двух факторов, волостяного и торгового города и внешней торговли. Бурное развитие славянских городов как центров ремесла и торговли, по мысли В.О. Ключевского, и вызвало появление государства с его внешнеполитическими и оборонительными функциями (защита торговых путей и т. д.). Действительно, древнерусская цивилизация возникала как культура городского типа, а Киевская Русь была известна как страна городов «Гардарик». Крупный город объединял соплеменное окрестное население, становился торговым, административным и политическим центром – резиденцией князя.

2. В советской историографии проблема становления Киевского государства рассматривалась в русле марксистской концепции. В соответствии с ней государство, как аппарат господства, появляется с развитием средств производства, разделением труда, появлением частной соб-

ственности и возникновением классов. Возникновение Киевского государства поэтому считалось результатом разложения родоплеменных отношений у славян, формирования феодальных классовых отношений. По социально-экономическим отношениям Киевскую Русь относили к раннефеодальным обществам, где земельная собственность становится основой богатства и особого социального статуса, складываются элементы вассально-ленных отношений.

3. Необходимо упомянуть и так называемую «норманнскую теорию», которая уже более 250 лет не сходит со страниц обобщающих и специальных трудов по истории России. Знаменитая дискуссия середины XVIII в. между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым по поводу «варяжского вопроса» до сегодняшнего дня считается незаконченной.

Суть «норманнской теории» сводится к тому, что ее сторонники определяющим фактором в появлении первого государства восточных славян называют влияние их северных соседей – варягов, выходцев из Скандинавии. Последователи «норманизма» общеизвестный факт приглашения в 862 г. на княжение в Новгород варяжского военачальника Рюрика трактуют как важнейшее, решающее условие возникновения русской государственности. Данная теория в течение длительного времени служила для определенных идеологических целей, в том числе для доказательства неспособности славян (россиян) к самостоятельному социально-политическому развитию.

Не отрицая факта многосторонних культурно-этнических, политических, военных, торговых контактов славян и скандинавов как ближайших соседей, думается, что не следует внутренние закономерности становления государственности заменять внешними, во многом случайными факторами. Тем более что политическая, социальная и, наконец, духовная традиция варягов не была настолько высоко развита, что могла бы коренным образом повлиять на славянскую.

Древнерусское государство возникло в результате длительной, в первую очередь, внутренней социально-экономической и политической эволюции восточно-славянских племен и по большинству своих параметров не отличалась от европейских государств на тех же ступенях своего развития.

По типу организации власти Киевская Русь относилась к числу раннефеодальных монархий. Во главе государства стоял великий князь, но в чистом виде единодержавия, самодержавия древнерусское государство не знало. Верховная власть была династически-родовая. Великий киевский престол занимался поочередно старшим из рода Рюриковичей. Князь садился, приглашался на стол, а то и захватывал его.

Скандинавская по своему происхождению княжеская династия Рюриковичей (хотя вопрос об этнической идентификации варягов остается по-прежнему достаточно спорным), вероятно, была связана с одним из местных славянских родов, контролировавшем власть на Ладоге. Первоначально функции князя ограничивались руководством наступательными или оборонительными военными операциями и связанными с ними дипломатическими отношениями, охраной торговых путей и в меньшей степени поддержанием внутреннего порядка. Князь – это военный вождь в первую очередь. Но постепенно усиливалась его роль в развитии законодательства и становлении княжеского суда. Важнейшей функцией князя был сбор дани – полюдье и организация ее последующей продажи.

Свои функции князь выполнял вместе с дружиной. Дружина князей – профессиональные воины. Они (князь и дружина) были неразделимы, последняя жила за счет княжеских доходов. В IX–XI вв. в составе дружины было много варягов.

В период расцвета Киевской Руси (XI–начало XII вв.) в руках великого князя сосредотачивается законодательная, исполнительная и военная власть. Важнейшую роль в правящей элите по-прежнему сохраняла дружина, делившаяся на «лучшую» – бояре и княжие мужи – и «молодшую» – отроки, детские и т. д. С боярами князь советовался по основным вопросам управления государством, из них при князе сформировался Совет (Дума). Позиция Думы во многом определяла и поведение князя. Средством сплочения дружинной среды и поддержания княжеского авторитета были престижные пиры и раздача богатств. Пирьы были важным государственным актом и носили регулярный характер.

Постепенно внедрялась и другая практика поощрения за службу. Бояре стали получать в качестве кормления земли, которые превращались в наследственное землевладение – вотчины. Но и в XII–XIII вв. вотчинное землевладение было не основным, по-прежнему преобладало государственное владение и доминировала система эксплуатации лично свободного населения военно-служилой знатью.

На стадии раннефеодальной монархии верховным собственником земли выступало государство. Климатические и географические факторы предопределили высокую ценность именно природных богатств, а не земледелия с низкой производительностью труда на данном этапе развития общества. Поэтому княжеские пожалования составляли не угодья, а часть налогов с территории. По мнению ряда историков, на Руси сложилась специфическая коллективная феодальная собственность, при которой феодалы концентрировались в городах.

В некоторой степени можно говорить о дуализме политической системы, так как наряду с княжеской властью определенное влияние в киевский период имел вечевой строй. В каждом крупном городе действовало вече – высший законодательный и судебный орган. Вече могло избирать князя, пригласить, а могло и прогнать. Из 50 киевских князей 14 были специально приглашенными киевлянами. А в 1068 г. столичным вече был изгнан Изяслав Ярославович за то, что не смог организовать отпор половцам. Нельзя, конечно, абсолютизировать значимость вече, но оно являлось характерной чертой русского государственного быта, особенно на ранних его этапах.

Киевское государство имело значительные военные силы, которые выполняли внешнеполитические и оборонительные функции, защищая страну от многочисленных противников, наиболее опасными из которых были южные соседи – печенеги и половцы. Формировались войска из дружин великого князя и удельных князей. В случае особой опасности собиралось народное ополчение.

Велика была внешнеполитическая активность восточного славянского государства. Частые военные, дипломатические, военные контакты осуществляла Русь с Византией, Хазарией, Скандинавией, западными народами. Отсутствие политического изоляционизма было существенной чертой Киевской Руси в отличие от ее восприемницы – Московской Руси.

Одновременно с другими элементами государственности происходило и становление древнерусского права, которое трансформировалось из обычного, традиционного в позитивное (письменное, фиксированное). Выдающимся памятником права (и историческим источником) являлась «Русская правда», определявшая правовое положение различных групп населения древнерусского общества. Наиболее значительным «Краткая» (1054 г.) и «Пространная» (1113 г.) редакции этого законодательного сборника. Они связаны, соответственно, с именем Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха.

История древнерусского периода богата своими героями. В первую очередь, это крупные государственные и политические деятели, многие из которых известны и как талантливые военачальники. Легендарные Дир и Аскольд, создатели Киевского княжества, основатель правящей династии Рюрик (862 г.), полубогатый «Вещий» Олег (882–912 гг.) – объединитель славянских земель вокруг Киева, известный своими успешными походами на Царьград (Константинополь) в 907, 911 гг., князь Игорь (912–945 гг.), весьма неудачно сходящий за данью к древлянам, его сурово-мстительная супруга княгиня Ольга, по преданию, одна из первых христианок на Руси. Сын Игоря и Ольги Свя-

тослав прославился как выдающийся полководец, свершивший многочисленные походы, освободил Русь от уплаты дани хазарам (965 г.), не раз громил печенегов.

Особое место в отечественной истории занимают Владимир «Красное Солнышко», великий князь (980–1015 гг.), принесший христианство на Русь. Ярослав (1019–1054 гг.), сын Владимира, был прозван Мудрым. Активная внешняя политика, огромная работа по внутреннему обустройству страны, христианизация страны – вот далеко не полные заслуги Ярослава Мудрого. Время его правления считается периодом расцвета Киевской Руси.

Одним из последних славнознаменитых великих князей был Владимир Мономах (1113–1125 гг.), прекративший во время своего правления внутренние усобицы, установивший дипломатические отношения со многими европейскими государствами. Он устранил половецкую угрозу для Руси. В своем наказе «Поучение» Мономах страстно призывал русских князей забыть о внутренних распрях, объединиться перед лицом внешней опасности.

Призыв Мономаха был вовсе не случаен. Несмотря на то, что время Владимира Мономаха было периодом подъема Киевской Руси, были налицо свидетельства будущего упадка древнерусской государственности. Это выразилось в утрате единства и централизованности государства. Княжеские междоусобицы, периодически встречавшиеся и ранее, после смерти Владимира Мономаха возобновились с особой силой.

Со второй половины XII в. начался новый период отечественной истории, усобиц и продолжался он до XV в.

Удельный период считается закономерным этапом в развитии европейских средневековых государств и объясняется – применительно к истории Запада – особенностями вассально-ленной системы.

При выяснении причин распада древнерусского государства отмечаются разные факторы. Советская историческая школа (Л. Черепнин, Б. Рыбаков) выводила причины раздробленности из характера феодального способа производства и владения собственностью, а именно из вотчинного землевладения. Постепенное закрепление за отдельными князьями, боярами частных земельных владений привело к росту хозяйственно-экономической, а затем и административно-политической обособленности отдельных земель. По мере роста земельных владений удельные князья все более и более заботились о развитии собственных территорий, теряли интерес к Киевскому престолу. Показателен в этом отношении случай с князем Андреем Боголюбским, который в 1169 г. взял Киев и отдал его на разграбление своей дружине, сжег столицу и вернулся к себе во Владимирскую землю.

Историки дореволюционной школы основную причину раздробленности находили в рододинастических особенностях политической власти. Отсутствие единой державы, неотлаженность механизма передачи власти, постоянное увеличение великокняжеского рода, а следовательно, и претендентов на киевский престол, произвол и властолюбие отдельных представителей рода Рюриковичей – все это было шатким основанием для крепкого, централизованного государства.

Действительно, политическая история Киевского периода полна многочисленных примеров, когда братья, отцы и дети, дяди и племянники враждовали из-за наследства, переходя в этой вражде все родственные и морально-христианские нормы. Убийства, отравления, ослепление, измена и коварство – все пускалось в ход для получения стольного или удельного престолов (вспомним печальную судьбу Глеба и Бориса, князя Василька и др.).

Вызывает интерес и точка зрения Л. Гумилева, который главное объяснение распада Киевского государства находит в соответствующей фазе этногенеза. Единство Руси, считает Л. Гумилев, было утрачено в процессе этнической дезинтеграции отживавшего свой срок старого древнерусского этноса.

Таким образом, распад государства на отдельные княжества – явление сложного исторического порядка, которое нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, налицо были явно отрицательные последствия: ослабление общего военного потенциала Руси, что значительно упростило задачу монголо-татарского завоевания. Другим тяжелым следствием распада были многочисленные междоусобные войны, которые по своим опустошительным последствиям не уступали нашествию внешних врагов. Но, с другой стороны, процесс усобного раздела необходимо вызывал более полное и глубокое материально-экономическое, социально-политическое и духовно-культурное развитие отдельных территорий.

Еще в период функционирования единой государственности были заметны различия в политических традициях северных, западных и северо-восточных земель, связанные, в том числе с разным соотношением вечевого и княжеского факторов.

В Новгороде и Пскове сложились феодально-республиканские формы политического устройства, которые действовали на основе ведущей роли вече. Вече приглашало и изгоняло князей, избирало главу церкви, посадника, ведавшего гражданскими делами и тысяцкого – руководителя ополчения.

В Галицко-Волынском княжестве сложился иной тип власти княжеско-боярская, лишившая вече сколько-нибудь серьезного влияния. Много

сил у князей галицко-волыньских уходило на борьбу с западными соседями – поляками, литовцами, а также с местной аристократией. Совет бояр играл ведущую роль при принятии государственных решений. Впоследствии земли княжеств были разделены между Польшей и Литвой.

Во Владимиро-Суздальском княжестве – северо-восточной окраине бывшей Киевской Руси – сложился великокняжеский политический режим, при котором роль вече и боярства была минимальной.

Специалисты отличают прямую и непосредственную преемственность в цивилизованном государственно-политическом отношении Владимирской и Киевской Руси. Это связано с уникальным и плохо осмысленным в историографии фактором переселения значительной части киевской княжеской элиты и всего населения на северо-восток и фактического развертывания здесь нового центра Руси – Владимира на Клязьме. Заметной вехой такого перемещения стал перевод в 1299 г. сюда из Киева митрополичьего престола, что означало и перевод на северо-восточные земли религиозного духовного центра. Здесь же утвердилась традиция сильной централизованной великокняжеской власти. Боярство на северо-западных землях не успело сложиться как ведущая политическая и экономическая сила и в борьбе с великокняжеской властью терпела неудачу. Князья создали значительный земельный фонд и жаловали земельные владения дружинникам за службу, превращая их в служивых людей князя. И хотя Владимиро-Суздальское княжество пережило полосу дробления и междоусобных конфликтов, подвергалось разрушительному внешнему нашествию, именно здесь ранее всего выявились центростремительные тенденции. На территории княжества в 1147 г. возник городок Москва, ставший в силу ряда условий центром объединения русских земель в новом государстве.

Количество самостоятельных княжеств в XI–XV вв. было различным. По значимости среди них выделялись Киевское, Черниговское, Северское, Галицко-Волыньское, Полоцкое, Смоленское, Муромо-Рязанское, Владимиро-Суздальское, Новгородское. Постепенно, но все более и более заметно, выделялись различия в характере экономического, социально-политического устройства юго-западных и северо-западных земель Руси. Татарское завоевание и экспансия западных соседей ускорили этот процесс. Южные земли, особенно Киев, окончательно потеряли свою роль в виду полного разорения. Часть западных территорий (Галич, Волынь, Полоцк, Туров, Пинск) надолго попадут в орбиту польского влияния.

Центр тяжести в развитии русской истории переместился на северо-западные и восточные земли (Новгород, Рязань, Владимир, Суздаль).

Именно с этими территориями будет связан новый этап истории российской цивилизации и культуры.

Важнейшим фактором древнерусской истории является принятие христианской религии, поскольку общепризнанна роль конфессии (вероисповедания) как фундаментального фактора, определяющего характер цивилизации и культуры. Действительно, именно христианство во многом стало основой идейно-политического, культурно-образовательного и целостно-ориентационного единства древнерусского этноса и государства. На ранних этапах человеческой истории религия являлась способом освоения и объяснения мира, формой мироощущения и мироориентации.

Первоначально такую функцию для славянских племен выполняло язычество – первобытная форма религиозных верований, включавшая в себя элемент анимизма, фетишизма, магии.

Языческий период в истории славян – это время самобытной культуры, освящавший все стороны жизни и деятельности наших предков. Нельзя согласиться с утверждением о крайне примитивном и неразвитом характере языческих верований. Язычество имело развитую мифологию, пантеон божеств, жрецов, культовые постройки (святилища, капища), свои ритуалы и праздники.

Но ко времени становления государственности на Руси основные цивилизации ойкумены развивались в рамках монотеистических религий. Приобщение к цивилизованному миру двигало Русь к принятию одной из них, так как язычество на том фоне выступало как показатель дикости, варварства, отсталости. Именно такие упреки бросали моноконфессиональные соседи в адрес Руси. По сути дела, к X в. Русь впервые в своей истории оказалась перед ситуацией выбора дальнейшего пути своего развития, перед необходимостью модернизации.

Задачу эту удалось решить великому князю Владимиру. «Повесть временных лет» красочно описывала момент выбора новой веры. Согласно летописной легенде, Владимиру пришлось искать правильное решение, выбирая между мусульманством, иудейством, католическим и православным вариантами христианства. Владимир остановился на последнем. Почему именно на православии? Существует несколько объяснений этому.

По версии автора «Повести временных лет» выбор восточного христианства определялся, в первую очередь, эстетическими моментами (красота храмов и обрядов пленили великого князя). В более позднее время появилась версия чуть ли не изначальной генетической предуготовленности восточных славян к православию. В советское время превалировала классово-прагматическая оценка православного выбора.

Правильнее, видимо, говорить о наличии целого комплекса причин, приведших к принятию христианства, восточного образца. Безусловно, такой выбор диктовался геополитическим фактором – суммой политических, экономических, культурных связей России, заданных географическими реалиями. А эти реалии были таковы, что в X в. наиболее могучим, богатым и развитым государством в Европе была Византия, южный сосед славян, с которым у них были устойчивые контакты (и военные, и торговые, и дипломатические). Греческие монахи вели активную миссионерскую деятельность среди славян-язычников. Многочисленным древнерусским торговцам, путешественникам, воинам-дружинникам хорошо были известны православная византийская архитектура, культ и обряды.

Для киевской политической элиты привлекательны были характеры отношений между византийской церковью и государственной властью. Дело в том, что в отличие от Западной Европы, где шла упорная борьба между светскими и духовными властями, византийская церковь никогда серьезно не оспаривала у императоров их притязание на абсолютный авторитет в государстве. Византийские императоры (цари, базилевсы) председательствовали на религиозных соборах, назначали и смещали церковных иерархов, разрешали богословские споры и даже писали теологические трактаты.

Византийская церковь со своей стороны объявляла о сакральном характере императорской власти, ее божественном происхождении, о богоизбранности христианского государства.

Кроме того, Византия существовала как многонациональное и жестко централизованное государство. Такая политическая практика не могла не импонировать княжеской власти Древней Руси, где как раз решались вопросы централизации и объединения. Киевский князь остро нуждался в идеологическом обеспечении своего главенствующего положения, а монотеистическая религия могла стать фактором ускорения консолидации и объединения.

Итак, важнейшими в выборе стали идеологический и политический моменты. В лице единой Византии Русь получила мощного в экономическом, военном и политическом отношении покровителя. Нельзя отбрасывать эстетический фактор, а также то, что православная церковь допускала ведение религиозной службы на родном для верующих языке. Но надо признать, что принятие христианства Русью в 988 г. было и результатом личного выбора князя Владимира. Он начал свою политическую карьеру как ярый язычник: обновил пантеон языческих богов, провел их иерархизацию, пытался объявить общегосударственных богов. Но язычество – политеистично, оно не могло быть религией объе-

динения. Владимир, пойдя на выбор новой религии, совершил поступок, превратившийся в великое деяние. Значение сделанного им шага столь велико, что в свете его померкли личные качества князя, отнюдь не самые лучшие.

После 988 г., когда в водах Днепра крестили киевлян, христианство стало распространяться по Руси, этот процесс был достаточно медленным. В 992 г. крестился Чернигов, в 1013 г. – Смоленск. Только к XII в. можно говорить о победе христианства. Его «триумфального шествия» по Руси не могло быть, так как людям приходилось коренным образом менять свои взгляды, обычаи, традиции, отказываться от заветов отцов. По той же самой причине довольно мифичны заявления об исключительно мирном характере введения новой религии. Не только силой проповеди, но и силой меча и огня внедрялась на Руси христианская вера. Исход борьбы был предрешен заранее, силы были не равны: старые верования хотя и устойчивы, но пассивны, язычество было многолико, пестро, не объединено. А православие имело стержневые идеи, четкую и продуманную организацию и, главное, пользовалось безусловной поддержкой государства.

Принятие Русью христианства имело огромное историческое значение. Помимо ближайших последствий: распространение грамотности, литературы, архитектуры, т. е. более развитой культуры, были и более значительные результаты. Можно сказать, что в X в. Русь удачно решила проблему модернизации: приняв христианство, она вошла в строй цивилизованных европейских государств. Вся последующая отечественная история немыслима без истории православной церкви. Её влияние на особенности политического, социального, духовного быта русского народа и его ментальности трудно переоценить.

Идеология русского самодержавия, его абсолютистская практика формировались на базе влияния православной церкви. В отличие от католичества православие никогда не играло роли тормоза и противовеса тоталитаристическим тенденциям русского государства. Апологетика бытовой и социальной аскезы, покорности властям – все это не лучшие качества, которые церковь воспитывала в русском народе. Кроме того, византийская традиция полной покорности государству сделали саму церковь обреченной на потерю авторитета. Важно и последнее замечание. Принятие христианства, как уже отмечалось, ввело Русь в строй христианских государств. Но то, что был выбран ею восточный, византийский вариант, привело впоследствии к своеобразной изоляции православной России от католического Запада.

Таким образом, в 988 г. был сделан выбор, действительно, с глобальными последствиями.

РУСЬ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В XIII–XV ВВ.

1. Нашествие монголов и образование Золотой Орды.
2. Проблема монголо-татарского ига.
3. Золотая Орда и борьба Москвы за лидерство в объединении русских земель.
4. Освобождение от ордынского ига и завершение объединительного процесса.

Нашествие монголов и образование Золотой Орды

Начало XIII в. стало важной вехой в жизни многих народов Евразии. После ряда междоусобных войн монголоязычные народы Центральной Азии объединились вокруг опытного и талантливого организатора Тэмуджина. В 1206 г. всемонгольский курултай (съезд знати) провозгласил его каганом (правителем всех монголов) с титулом Чингисхан.

Программа Чингисхана была проста: объединение всех монголов в орду (народ-войско) для завоевания новых пастбищ у соседних народов. В орду вливались и покоренные ею народы степи. Этим объясняется значительная численность полевой армии Чингисхана. Для укрепления единства орды каган ввел новый свод законов «Яса», который требовал от кочевников обязательной взаимопомощи, строгой дисциплины и наказания предателей. За убийство безоружного, измену, кражу, грабеж, скупку краденого, вредоносную магию, неоказание помощи боевому товарищу или супружескую неверность свод законов «Яса» карал виновных смертной казнью. Вместе с тем среди орды допускалась веротерпимость, поэтому между воинами Чингисхана были не только язычники, но и христиане, и мусульмане.

После завоевания Южной Сибири монголы в 1211–1234 гг. покорили Северный Китай. Одновременно их войска вторглись в Среднюю Азию и разгромили государство Хорезм. Затем один из крупных монгольских отрядов был послан на запад – провести разведку боем в Половецкой степи. Этот отряд прорвался через Кавказ, разбил грузин, аланов и, преследуя половцев, вышел к южным границам Руси. Половцы обратились за помощью к русским князьям (половецкий хан Котян был тестем Галицкого князя Мстислава Удалого). В 1223 г. русско-половецкие войска вступили в битву с монголами у реки Калка и проиграли ее из-за несогласованности действий отдельных княжеских дружин. Одержав победу, монголы надолго ушли из Половецкой степи.

Русские князья быстро забыли о них и вновь занялись междоусобными войнами.

Между тем монголы, уже без умершего в 1227 г. Чингисхана, завершили захват Северного Китая и высвободили силы для дальнейших завоеваний. В 1235 г. степное войско под командованием старшего внука Чингисхана – Бату – выступило в Великий западный поход. Через Монголию, Южную Сибирь и Казахстан войско Бату достигло Поволжья, разгромило волжских болгар, башкир и буртасов, после чего оказалось на границе Руси. Сами русские земли, расположенные преимущественно в непригодной для кочевой жизни лесной полосе, мало интересовали монголов как объект экспансии. Монголы стремились захватить всю евразийскую степь до «последнего западного моря», как завещал им Чингисхан. Но для этого им необходимо было обеспечить безопасность северного фланга от возможных ударов русских дружин. Тем самым вторжение на Русь становилось неизбежным.

Бату совершил два похода на Русь. Зимой 1237–1238 гг. его войско поочередно захватило и разграбило города Северо-Восточной Руси: Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Ростов, Тверь, Торжок и Козельск. И лишь однажды, в январе 1238 г., под Коломной русские князья рискнули вступить в открытый бой с монголами и вновь потерпели поражение. Только потери в боях да весенняя распутица помешали хану овладеть Новгородом.

В чем же причины столь легких побед Бату? Первое, что приходится называть, это численное превосходство. Иногда звучат совершенно фантастические численности его войска в 300–400 тыс. человек. При этом не учитывается, что кочевники всегда водили с собой в поход двух запасных лошадей, а миллионный табун просто не смог бы прокормиться в степи зимой. Общая численность воинов всей монгольской орды вряд ли превышала 120–140 тыс. человек, но далеко не все из них приняли участие в Великом западном походе. Часть войск оставалась в Монголии и Китае, часть охраняла караванные пути в Средней Азии, значительная группа монгольских и союзных войск воевала в Закавказье, а другой отряд преследовал по степи половцев. Таким образом, по подсчетам Н. Веселовского и Л. Гумилева, на Русь Бату привел не более 40 тыс. воинов, большинство из которых не были монголами. Но и такое войско по средневековым масштабам было огромно – все население г. Рязани в начале XIII в. составляло только 20 тыс. чел.

Впрочем, непобедимость монголов имела и другие причины. Главная из них – отсутствие политического единства Руси, обусловившее несогласованность действий отдельных княжеств. В надежде на то, что монголы, как и другие кочевники, не умеют брать города приступом,

многие князья избрали тактику защиты крепостей. Этот расчет не оправдал себя: монголы с успехом использовали на Руси китайскую военную технику – стенобитные машины, камнеметы и зажигательные смеси.

Летом 1238 г. войско Бату вернулось в степь, но в 1239 г. вновь обрушилось на Русь. На этот раз пострадали южнорусские города – Переяславль, Чернигов, Киев, Галич. После этого монголы и их союзники вторглись в Польшу, Чехию и Венгрию. Казалось, что еще немного – и под властью монгольских ханов окажется вся Европа. Но этого не произошло. Почему?

За время завоевательных походов войско Бату захватило колоссальную территорию, которую было очень сложно контролировать. В 1240 г. часть отрядов Бату была перенацелена из Восточной Европы на Ближний Восток, и этим немедленно воспользовались половцы, напавшие на монголов в Причерноморских степях. Сказывались и большие потери: после многих побед монголы потерпели неудачу в битве с чехами при Оломоуце. Наконец, в 1242 г. стало известно о смерти кагана Угедея. Его место мог занять враг Бату – хан Гуюк. Поэтому в 1242 г. западный поход был прекращен. Бату с войском вернулся в Прикаспийские степи и начал подготовку к гражданской войне. Но война не состоялась. В монгольской столице Каракоруме утвердился союзник Бату хан Мункэ. С этого времени Бату стал неограниченным владыкой в завоеванных им землях, хотя формально главенство Каракорума сохранялось еще долго.

Под властью Бату оказалась западная часть «улуса Джучи», т. е. владений, выделенных его отцу Чингисханом, – огромная территория степей от Дуная, на западе, до Иртыша, на востоке. Монголы называли ее Ак-Орда (Белая Орда), русские с XIV в. – Золотая Орда, подчеркивая этим богатство и роскошь монгольских ханов по сравнению с русскими князьями. Большинство населения Золотой Орды составляли не монголы, а половцы, платившие дань монгольской знати. Экономическую основу Орды составляли скотоводство, труд ремесленников из побежденных стран и дань с вассальных земель. Вопреки распространенному представлению, в Золотой Орде было немало торговых городов: Азак, Булгар, Маджар, Сувар, Хаджитархан, итальянские колонии Кафа, Феодоро, Чембало, поселение в Крыму и другие. Столицей государства стал город Сарай в нижнем течении Волги («сарай» в переводе с тюркского языка – дворец). Впрочем, термин «столица» к этому городу относится лишь частично. Большую часть года хан с войском и гаремом проводил в походах или просто кочевал по степи. Постоянно в Сарае работали только многочисленные ремесленники и чиновники под руководством беклярибека (министра иностранных дел и верховного судьи) и везира

(министра финансов). К концу XIII в. Сарай стал одним из крупнейших городов средневековья. Он насчитывает более 75 тыс. жителей и занимал огромную территорию: ордынские ханы принципиально не обносили своих городов стенами, будучи уверены в защитной силе конницы и бескрайних степей.

Проблема монголо-татарского ига

Поход Бату коренным образом изменил обстановку не только в Половецкой степи, но и на Руси. Резко сократилось население русских земель, множество людей было убито или уведено в рабство. В степной полосе вдоль русско-ордынской границы возникла обширная буферная зона – Дикое поле, где малочисленное русское население находилось под управлением ордынской администрации.

Особенно пострадали города: из 74 известных городов были разорены 49, причем 14 исчезли совсем, а еще 15 превратились в села (например, Старая Рязань). Сохранившиеся города сильно запустели: даже в Киеве осталось не более 200 обитаемых дворов. Упадок городской жизни означал замедление экономического развития страны. Были утеряны многие ремесленные технологии, передававшиеся по секрету от мастера к ученику (рецепты многих стекол и сплавов, скань, филигрань, перегородчатая эмаль и т. д.). Надолго прекратилось каменное строительство, оборвалось множество торговых связей. Несколько менее пострадало сельское население, привыкшее за годы княжеских междоусобиц, скрываться в густых лесах.

Вторжение упростило не только экономику, но и социальную структуру общества. Катастрофические потери княжеских дружин и упадок городов свели на нет самостоятельное значение наиболее независимых и политически активных слоев населения – бояр и горожан. Ослабла и конкуренция среди князей – многие из них пали в борьбе с монголами. В Рязани из 12 князей погибло девять, в Суздале из 9 – пятеро, в Ростове из 3 – двое. Все это влекло за собой относительное усиление власти уцелевших князей, которым теперь пришлось налаживать контакты с монголами.

Для обозначения характера отношений Руси и Золотой Орды в учебной литературе часто используется термин «монголо-татарское иго», означающий угнетение русских монголо-татарами («иго» – гнет, тяжесть). Первая часть этого термина – «монголо-татарское» – звучит исторически некорректно. Настоящих татар истребил еще Чингисхан, который считал будто они отравили его отца. Союзниками монголов татары никогда не были. Но и монгольским это иго назвать нельзя из-за малочисленности этнических монголов в Золотой Орде. Если и сущест-

вовало иго, то обозначать его можно только по названию угнетающего государства – ордынским игом. Но правомерен и другой вопрос: а было ли иго? На этот вопрос историки дают три разных варианта ответа.

Первый ответ выглядит следующим образом: никакого ига монголов на Руси не было, русско-ордынские отношения были союзническими. Завоевания Чингисхана оцениваются почти положительно, т. к. они объединили народы Евразии для сопротивления агрессии католического Запада. В качестве примера приводится политика русского князя Александра Невского, который якобы сознательно избрал дружбу с более близкими Руси монголами и вооруженную борьбу против менее близких европейских крестоносцев. Поэтому, например, русские войска «добровольно» участвовали в походах Орды. Это мнение восходит к историкам-евразийцам (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский) и особенно к известному этнологу Л.Н. Гумилеву. В наши дни их взгляды довел до абсурда беллетрист А. Бушков, который на основании сомнительных умозаключений заявил, будто не было ни ордынского ига, ни самой Орды, ни даже нашествия монголов на Русь.

Второй ответ состоит в том, что нашествие и последующее господство монголов на время затормозили ход развития Руси, но не повлияли кардинально на ее судьбу. Эту точку зрения разделяли большинство русских и советских историков XIX–XX вв. (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, А.Н. Насонов, В.В. Каргалов и др.). Они считали, что отсталые монголы не могли существенно изменить культурную ситуацию на Руси. Таким образом, иго было, но сводилось оно только к ограблению страны и не воздействовало на ее внутренний строй. Главным элементом ига становилась выплата ордынского «выхода» (дань Орде) и военный грабеж ордынцами русских земель.

Нам представляется более верным третий вариант. Он заключается в том, что иго не просто существовало, но оказало решающее воздействие на историческое развитие русских земель. Эта позиция была впервые обоснована Н.М. Карамзиным и позже развита в трудах Н.И. Костомарова, В.А. Леонтовича, К.Н. Бестужева-Рюмина. В данном контексте понятие «ордынское иго» имеет более комплексный характер. В его состав включаются несколько значимых элементов: и ордынский «выход», и «военное сотрудничество» с Ордой, которое историки образно называют «дань кровью». Но главное внимание уделяется другому компоненту ига – общепризнанному праву ханов назначать и сменять русских князей путем выдачи ярлыков на княжения. Утверждение этого права коренным образом изменило политическую систему Руси. Из нескольких вариантов политического строя, которые сложились в русских княжествах в XII в., под властью Золотой Орды укрепился только

один – монархия с сильной княжеской властью и прямым подчинением всех подданных князю. Так закладывались основы русского самодержавия.

Если в Киевской Руси царем называли далекого византийского императора, который не мог реально вмешиваться в русские дела, то после разгрома Константинополя крестоносцами в 1204 г. и нашествия монголов царский титул постепенно закрепился за ордынским ханом. Причем этот царь мог влиять на положение Руси самым непосредственным и беспощадным образом. Именно тогда у русского народа возник стереотип отношения к верховной власти, как к далекой, жестокой и иррациональной.

На Руси эта власть поначалу была представлена ордынскими сборщиками дани – баскаками (есть очень образная версия перевода этого термина – «давители»). Но со временем ответственность за сбор ордынского «выхода» была возложена на самих русских князей и была включена в их ярлыки. Наиболее престижным, но и самым опасным был ярлык на великое княжение Владимирское. Первым его обладателем стал в 1243 г. переяславский князь Ярослав Всеволодович. Но уже в 1246 г. он был отравлен в Каракоруме. Ханы передавали ярлык из рук в руки, стремясь перессорить русских князей и не дать им усилиться. Так, в 1248 г. в Каракоруме поделили ярлыки между сыновьями погибшего князя Ярослава: популярный Александр Невский получил второстепенные ярлыки на киевское и новгородское княжения, а его младший и менее авторитетный брат Андрей – на великое княжение Владимирское.

Пример братьев Ярославичей очень показателен в отношении внешнеполитической ориентации русских князей того времени. Часть из них попыталась заручиться поддержкой Запада для сопротивления монголам. Такую политику повели, например, Андрей Ярославич и его тесть-союзник Даниил Галицкий, которому римский папа даже пожаловал королевский титул. Однако ни тот, ни другой князь не получили из Европы реальной военной помощи. Поэтому карательное ордынское войско в 1252 г. согнало с княжения Андрея, которому пришлось эмигрировать в Швецию. А в 1259 г. был разгромлен ордынцами Даниил Галицкий.

В этих условиях единственной реальной политикой стало подчинение русских князей Орде и сознательное погашение очагов самоубийственного сопротивления. Такую политику был вынужден избрать новый великий князь Александр Невский, правивший в Северо-Восточной Руси в 1252–1263 гг. Поэтому восстание в Новгороде против ордынских «численников», проводивших перепись населения в 1257–1258 гг., князь подавлял лично и очень жестоко. Однако Александр не упускал

случая проявить свою самостоятельность. Когда в 1262 г. во многих городах вспыхнуло восстание против мусульманских откупщиков, присланных из Каракорума для сбора дани, Александр открыто не вмешивался, но направил в Устюг (а возможно и в другие города) грамоту, «чтоб татар бити». Зато в правление этого князя Орде не пришлось проводить карательных походов на Русь. Одновременно Александру Ярославичу пришлось решать другую проблему – защищать русские земли от агрессии крестоносцев. Вопреки утверждениям некоторых историков, Орда не оказывала ему в этом никакой помощи. Молодому князю пришлось опираться только на свои силы. В 1240 г. он наносит поражение шведам в устье Невы, в 1242 г. громит рыцарей Ливонского ордена в Ледовом побоище, позже ведет борьбу против набегов литовских дружин. И дело тут опять-таки не в субъективном предпочтении – просто отбить врага с Запада было по силам, а бороться против Золотой Орды – еще нет.

Ордынские вторжения возобновились после смерти Александра. Этому способствовала борьба за власть между его наследниками. Только за последнюю четверть XIII в. ордынцы совершили, не считая мелких набегов, 14 крупных походов на Русь. Причем нередко – по приглашению русских князей. Так, знаменитая Дюденева рать в 1293 г. разграбила 15 русских городов после обращения князя Андрея Городецкого за помощью к Орде в борьбе за великое княжение.

Походы и набеги кочевников, непрекращающиеся княжеские усобицы делали жизнь людей нестабильной. Пытаясь приспособиться к этим условиям, крестьяне уходили из старых разоренных княжеств в новые. За счет этого все более усиливались Нижний Новгород, Тверь, Москва, где начинался новый хозяйственный подъем.

Островками относительного спокойствия были и владения православной церкви. Потомки Чингисхана долгое время хранили верность традициям веротерпимости. До начала XIV в. православие пользовалось особым покровительством ханов: духовенство было избавлено от всех налогов, в Сарае построен храм и в 1261 г. основана Сарская епархия.

Установление ига Золотой Орды раскололо Русь геополитически. Северо-западные русские княжества (Полоцкое, Витебское, Минское), не разоренные монголами, до конца XIII в. оставались относительно свободными – здесь была Белая Русь. Затем под угрозой вторжения крестоносцев из Прибалтики и ордынского ига они объединились в составе Великого княжества Литовского. В середине XIV в. к нему были присоединены и южнорусские княжества – «украины» Руси. Так было положено начало процессу дробления древнерусской народности на укра-

инскую, белорусскую и великорусскую, ядро образования которой находилось в Северо-Восточной Руси – под игом Орды.

Есть основания полагать, что и в цивилизационном плане ордынское иго сыграло большую роль в истории Руси. Власть монгольских ханов, как и православная религия, способствовала изоляции русских земель от Западной Европы. Долгое общение с ордынцами привело к заимствованию у них засадной тактики боя (успешно примененной позже в Куликовской битве), системы почтовых застав, сабли и многих слов: арбат, барабан, богатырь, сарай, ямщик и т. д. Наконец, совместная борьба русских княжеств за освобождение от ига стала важнейшей предпосылкой их объединения в централизованное государство.

Золотая орда и борьба Москвы за лидерство в объединении русских земель

XIV в. стал для Золотой Орды временем наивысшего расцвета и быстрого упадка. Достигая пика своего могущества при хане Узбеке (1312–1342) Орда надолго втянулась в бессмысленную войну на Кавказе. Кроме того, хан объявил государственной религией ислам, что привело к столкновениям в Орде на религиозной почве. Стремясь добиться увеличения доходов от русских данников, Узбек за непродолжительное время казнил нескольких князей. Террор достиг цели: князья были настолько запуганы, что сами привозили дань в Орду, а ханские войска теперь сосредоточились только на иранском направлении. В итоге занятые своими завоеваниями и борьбой за власть ханы «просмотрели» постепенное, но неуклонное стремление русских земель к объединению.

В условиях политической децентрализации и господства Орды это стремление ставило перед русскими князьями вопрос о том, какое из княжеств сможет взять на себя ответственность за руководство объединительным процессом, кто будет «собирателем земли Русской». На эту роль явно не могли претендовать старые города, ослабленные междоусобицами (Владимир, Городец, Переяславль-Залесский), мелкие княжества (Ярославское, Ростовское и др.) или крупные пограничные (Рязанское, Суздальско-Нижегородское), которые часто подвергались набегам ордынцев и потому были вынуждены проводить более лояльную политику по отношению к Орде. Богатейшая Новгородская земля, сориентированная давними торговыми и культурными связями на Европу, практически отстранилась от участия в этом процессе. Поэтому наиболее реальными претендентами на роль объединительных центров стали в XIV в. Тверь и Москва.

Оба эти княжества были относительно удалены от опасной южной границы, оба находились на пересечении торговых путей. Однако пози-

ции Твери долгое время казались более предпочтительными. Тверские князья чаще и дольше владели ярлыком на великое княжение, пользовались большим авторитетом среди Рюриковичей. Зато у московских князей формальных прав на великокняжеский престол не было: основатель их династии, младший сын Александра Невского князь Даниил умер, так и не став великим князем. Поэтому напористые и неразборчивые в средствах московские князья могли опереться только на поддержку ордынских ханов. И этот расчет оправдался. Долгое время в Орде считали, что Москва менее сильна и опасна, более покорна и подконтрольна, чем Тверь или Нижний Новгород. Именно поэтому репрессии Узбека не коснулись Москвы. Поэтому же Узбек выдал свою сестру Кончаку (в крещении Агафью) замуж за московского князя Юрия Даниловича, а его младшему брату подарил выкованную из золота тибетейку, опушенную мехом и известную ныне как «шапка Мономаха».

Свою преданность Орде Иван Данилович доказал в 1327 г., когда в Твери вспыхнуло восстание против баскака Чолхана. Князь Иван сам привел на Тверь карательное ордынское войско, которое разграбило тверские владения, но не тронуло других земель. В итоге московский князь не только вывел Тверь из борьбы за главенство на Руси, но и получил ярлык на великое княжение, обрел право собирать «выход» со всех княжеств и отвозить его в Орду, да еще и повысил свой авторитет на Руси как защитник остальных земель от ордынского гнева. С тех пор ордынцы почти полвека не тревожили Русь походами, зато князь Иван зачастил в Орду. Ивана не зря прозвали Калита, т. е. «кошель»: исправно выплачивая ордынский «выход», он утаивал немалую часть собранных денег. Этих средств хватило и на покупку новых земель (Углическое, Галицкое, Белозерское княжества) и на более мягкую налоговую политику по отношению к переселенцам в Московское княжество, и на богатые подарки для ордынских ханов, их жен и вельмож, а впоследствии – на строительство белокаменного Кремля. Такую же политику проводили в 40–50-е гг. XIV в. его сыновья, которые присоединили к московским владениям Калугу, Кострому, Дмитров и Стародуб. Так, в новых условиях московская княжеская династия продолжила внешнеполитический курс Александра Невского и тем самым обеспечила себе длительное обладание великокняжеским ярлыком, а в перспективе – лидерство в процессе объединения земель Северо-Восточной Руси.

Другой основой «возвышения» Москвы стал ее негласный союз с православной церковью. К несчастью для тверских князей их отношения с русскими митрополитами не сложились. Митрополит Петр, обиженный притеснениями тверичей, уехал в Москву и остался там. С тех пор митрополиты нередко направляли политику Москвы в общерусских

интересах и оказывали ее князьям всестороннюю поддержку. Особенно важной эта поддержка стала в 50–60-е гг. XIV в., когда появились новые претенденты на лидерство в объединении русских земель.

В 1359 г. у власти в Москве оказался малолетний князь Дмитрий, и его права на престол попытался оспорить суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович. В этих условиях борьбу московского боярства за контроль над ярлыком возглавил митрополит Алексей, который пригрозил князю-сопернику отлучением от церкви и направил на Суздаль московское войско. Суздальский князь был вынужден отказаться от своих претензий и назвать московского «старшим братом».

Гораздо более серьезным и опасным соперником Москвы оказалось Великое княжество Литовское. Оно возникло в XIII в. как центр борьбы прибалтийских народов (куршей, ливов, жемайтов, аукшайтов) против агрессии крестоносцев. Поскольку крестоносцы часто нападали также на русские земли, то в этой борьбе происходило сближение русских и литовцев, последние перенимали русские обычаи и язык. Известно, например, о том, что в роли литовских союзников выступали Александр Невский и Даниил Галицкий.

Особенно усилилась Литва в XIV в. Литовские князья Витень и Гедимин подчинили себе полоцкие, минские, туровские и волынские земли. Некоторые из этих княжеств были завоеваны, князья других сами пришли на службу в Литву: власть литовцев приносила избавление от ордынского ига. Внутренний строй русских земель при этом не менялся, а русские князья и бояре включались в литовские органы власти. В конце 50-х гг. XIV в. в Золотой Орде началась «великая замятня» – крупный политический кризис, выразившийся в частой смене ханов. Воспользовавшись ситуацией, литовский князь Ольгерд в 1362 г. разгромил ордынское войско у реки Синие Воды и присоединил к Литве обширные киевские и черниговские земли. В результате русские стали в Литве большинством населения, русский язык стал государственным, а в качестве законодательства действовала «Русская Правда». Наконец, литовские князья долгое время покровительствовали православной вере, а некоторые сами принимали ее (например, старшие сыновья Ольгерда – Андрей Полоцкий, Дмитрий Трубецкий). Таким образом, в XIV в. Великое княжество Литовское стало еще одним центром объединения русских земель.

Борьба между Литвой и Москвой за лидерство в объединительном процессе продолжалась достаточно долго. В 1368–1372 гг. Ольгерд совершил 3 похода на Москву, но взять каменный Кремль не смог. В 1404 г. его племянник Витовт присоединил к Литве Смоленск. Но это был последний успех литовцев. Параллельно с борьбой за объединение

русских земель Литва в XIV–XV вв. сражалась еще на два фронта: против Золотой Орды и против крестоносцев. Эта борьба требовала большого напряжения сил и не всегда была успешной. Москва с ордынцами воевала редко, а крестоносцы ей не угрожали – с запада ее прикрывали литовские и новгородские владения. Кроме того, в борьбе против крестоносцев литовские князья пошли на союз с католической Польшей. Этот союз окончательно оформился в 1385 г., когда сын Ольгерда, князь Ягайло, принял католичество и стал польским королем. Но распространение католицизма в Литве привело к ущемлению прав православных князей и бояр, которые стали переходить на службу в Москву. Это ослабило позиции литовских князей в их православных владениях и предопределило победу Москвы в объединительном процессе.

В 70-е гг. в Орде захватил власть беклярибек Мамай по прозвищу Теляк (Заика). Мамай попытался восстановить в полном объеме контроль над русскими владениями и потребовал у московского князя выплаты «выхода» со всеми недоимками, в том числе и с церкви. Получив отказ, он приступил к регулярным набегам на русские земли. После того как в 1378 г. войско мурзы Бегича потерпело поражение на реке Воже, крупный конфликт стал неизбежен.

Мамай не был потомком Чингисхана, поэтому он не мог надеяться на поддержку ордынской знати. Основную ставку он сделал на золото и дипломатию. Впервые Орда вступила в союз с Литвой и рязанским князем Олегом. Кроме того, Мамай нанял в Крыму генуэзскую пехоту. Поэтому его войско двигалось на Русь медленно, а Олег Рязанский заранее оповестил о нашествии на Москву. Это позволило московскому князю Дмитрию Ивановичу собрать дружины и ополчения из нескольких княжеств. К его войску примкнули также русско-литовские дружины православных князей Андрея Полоцкого и Дмитрия Трубецкого. Зато никто из союзников Мамаю так и не вмешался в борьбу.

8 сентября 1380 г. состоялась решающая Куликовская битва. Орда Мамаю была разгромлена, а сам он вскоре убит. Князь Дмитрий заслужил почетное прозвище Донского. Однако эта победа не привела к свержению ордынского ига. Поражение потерпела не Орда, а всего лишь одна из ордынских группировок. Место Мамаю занял законный хан Тохтамыш, который на время объединил Орду и в 1382 г. совершил стремительный поход на Москву. Поредевшая московская дружина не смогла справиться с новым вторжением, а многие князья отказались от сопротивления законному «царю». Брошенная князем Москва была обманом взята и разграблена ордынцами. Тем не менее, Тохтамыш признал практически наследственное право Москвы на великое княжение, после чего город быстро восстановился. Это означало, что отныне великокняже-

ские владения Владимирской земли окончательно слились с Московским княжеством. Более того в 1392 г. хан продал Москве ярлыки на Нижегородское, Муромское и Тарусское княжества.

Освобождение от ордынского ига и завершение объединительного процесса

В конце XIV в. сокрушительный удар по слабеющей Золотой Орде нанес правитель Средней Азии Тимур (Тамерлан). Поэтому в течение XV в. Орда распалась. Из ее состава последовательно выделились Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, а также Большая Орда и Ногайская Орда. В столь благоприятных условиях Московское государство могло бы завершить процесс своего объединения и освободиться от ордынского ига, но во второй четверти века этому помешала длительная феодальная война между внуками Дмитрия Донского. Поэтому русские княжества были вынуждены не только платить дань Большой Орде, но и отбивать набеги крымских, казанских и ногайских орд.

Только в 1480 г., пользуясь ослаблением и раздробленностью Орды, московский князь Иван III прекратил выплату «выхода». В 1480 г. хан Большой Орды Ахмат двинул на Русь большие силы, желая подчинить себе «русский улус». Около двух месяцев русские и ордынские войска простояли в Диком поле на разных берегах р. Угры, неоднократно пытаясь переправиться и вступить в бой, пока ранняя зима и неявка литовских союзников не заставили Ахмата отступить. Считается, что «стоянием на Угре» ордынское иго закончилось.

Одновременно вступил в завершающую стадию процесс объединения русских земель вокруг Москвы. В 60–80-е гг. XV в. Иван III в. присоединил к Москве Ярославское и Ростовское княжества, завоевал Тверское, а также Новгородскую и Вятскую земли. Он же в конце XV – начале XVI в. отвоевал у Литвы Вязьму, Брянск и расположенные в верховьях реки Оки так называемые Верховские княжества.

Окончательное завершение объединительного процесса произошло в период правления князя Василия III (1505–1533 гг.). Это он в результате долгой войны с литовцами присоединил к Московскому государству Смоленск и Черниговские земли. Тогда же в состав России вошли Псковская земля, Рязанское княжество и даже часть ордынских степей.

Длительное пребывание русских земель под властью Золотой Орды оказало значительное воздействие на ход и характер исторического развития России. Ордынское иго не только замедлило протекание многих социально-экономических, политических и культурных процессов. В немалой степени оно повлияло на их содержание и характер. Именно

в ордынской эпохе берут свое начало многие специфические черты развития России, отличающие её от европейского общества. И, прежде всего, это касается особенностей становления и развития Московского централизованного государства.

В результате объединения Руси и освобождения ее из-под ордынского ига сложилось обширное многонациональное государство с малочисленным населением и слабой экономикой. Длительная борьба за политическое освобождение потребовала колоссального напряжения всех сил русского общества и подчинения всей его жизни решению военно-стратегических задач. Это привело к уничтожению демократических традиций феодальных республик, сориентированных на европейский путь развития, и победе московского варианта политической системы, который характеризовался более четкой структурой власти и высокой степенью централизации ресурсов.

Расположенное географически на стыке европейской цивилизации и азиатских обществ, Московское государство оказалось оторвано от Запада силой исторических обстоятельств. Поэтому преобладающее влияние на общественный и государственный строй послемонгольской Руси продолжали оказывать традиции Византийской империи и Золотой Орды. Наиболее важными среди этих традиции были несоблюдение или полное отсутствие правовых гарантий личности и собственности, зависимость православной церкви от государства, а также стремление князей распоряжаться государством как личной вотчиной монарха. Эти явления внесли существенную специфику в процесс становления Московской Руси и продолжали оказывать определяющее воздействие на ее дальнейшее развитие.

ЕВРОПА И МИР НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

1. Открытия позднего средневековья и их последствия.
2. Реформация как пролог Нового времени.

Как известно, средневековое европейское общество было обществом традиционным. В нем преобладали сельское хозяйство и ремесла, основанные на ручном труде, существовала корпоративная замкнутость сословий, монопольное положение в духовной жизни занимала католическая церковь, что представляло господство устойчивой и малоподвижной системы христианских ценностей в сознании, поведении, образе жизни, государственная власть носила автократический характер, человек был несвободным, его личность поглощалась общинностью, корпоративностью.

Но и традиционный тип цивилизации способен к развитию и изменениям. Их проявления можно обнаружить и в период расцвета средневековья. С еще большей очевидностью они дали о себе знать в века позднего средневековья или «осени средневековья», как его нередко называют. В исторической литературе вопрос о конечных хронологических границах средневековья является дискуссионным. Историки пока не пришли по нему к консенсусу. Одни уже XVI в. выводят за пределы средневековой эпохи, считают его началом Нового времени. Другие видят границы между средними веками и Новым временем в середине XVII в. – в английской буржуазной революции.

В данном разделе, посвященном переходу Европы от средневековья к Новому времени, речь пойдет о XV–первой половине XVII вв.

Какими же событиями, явлениями, процессами готовился этот переход?

В экономической жизни зримые формы приобретает капитализм. Эта категория разными школами интерпретируется по-разному. Одни видят сущность капитализма в возникновении свободного от ограничений рынка товаров, труда, капиталов, другие – в высокой степени рациональности экономической жизни, нацеленной на высокую степень эффективности прибыли, третьи, (К. Маркс) рассматривают капитализм как формацию, основанную на частной собственности буржуазии на средства производства, эксплуатации наемных рабочих, вынужденных продавать свою рабочую силу.

Новые явления в экономике позднего европейского средневековья (независимо от того, можно ли характеризовать их как капитализм) очевидны. Росли капиталы купцов, финансистов. Мощный толчок росту капиталов дала «революция цен» в XVI в. Ее связывают с гигантским притоком драгоценных металлов из Америки, дешевизной американского золота и серебра, ростом городского населения. От «революции цен» выигрывали, прежде всего, купцы, продавцы сельскохозяйственной продукции, финансисты, владельцы промышленных предприятий, то есть все те, кто не жил за счет фиксированных источников доходов (заработной платы, земельной ренты).

Крупные капиталы создавались, прежде всего, в сфере обращения. В то время в предпринимательской сфере зрело понимание того, что прибыль можно получать не только в сфере обращения (на разнице цен, ростовщичестве), но и в сфере производства. В городах возникают мастерские, объединяющие ранее самостоятельных ремесленников. Здесь же на смену простой кооперации приходят мануфактуры, основанные на разделении труда. На первых мануфактурах чаще всего трудились разорившиеся ремесленники, не имевшие никаких иных средств к су-

ществованию, кроме заработной платы. Рост числа мануфактур потребовал еще большего количества свободных наемных работников, что подтолкнуло процесс отмены личной зависимости крестьян (крепостного права) и замены, таким образом, внеэкономического принуждения к труду экономическим. В ряде европейских стран он начался уже в XIV в. Мануфактурному капитализму еще предстояла долгая экономическая модернизация, но корни его уходят в позднее средневековье. Постепенно, но необратимо меняется социальный облик общества. С появлением огнестрельного оружия теряет свое военное значение рыцарство, дворянское сословие. «Революция цен», снизив реальную стоимость фиксированного рента от земли, заставила часть дворянства заняться аграрным, торговым предпринимательством. Начиналось складывание буржуазии. Ее состав был многолик: преуспевшие цеховые мастера, купцы, промышленники-предприниматели, представители нарождающейся государственной бюрократии, наживающие свои капиталы, прежде всего, на лоббировании тех или иных интересов. Таким образом, на смену замкнутости социальных структур средневековья, их относительной неподвижности, приходит социальная мобильность (подвижность) населения, сопровождавшаяся нередко изменением, нередко в одночасье, социального статуса отдельных лиц. Крестьянство разорялось в результате увеличения размеров рента, суммы государственных налогов, насильственного сгона с земли (огораживания в Англии). Огромное количество людей отрывалось от привычных занятий, средств производства. Типичным явлением становились нищие, бездомные, пауперы.росло число лиц наемного труда.

Заметные изменения наблюдались и в развитии европейской государственности. Главным направлением его было формирование абсолютизма, в первую очередь, в таких странах как Англия, Франция. Усиление власти монархов в них, скорее всего, связано с возникшим равновесием между старым правящим феодальным сословием – дворянством – и упрочивающей свои позиции буржуазией. Это позволяло монархам действовать более независимо и проводить политику, которая напрямую не определялась интересами какой-то одной стороны, носила общенациональный характер. Классический пример такой политики в рассматриваемый период дают Людовик XIV (Король-Солнце) во Франции и Елизавета Тюдор в Англии. Абсолютизм в этих странах способствовал их политической централизации, преодолению средневековой раздробленности и тем самым создавал более благоприятные условия для складывания внутри государств единого экономического пространства, экономического единства. Таким образом, абсолютизм позднего средневековья со всей очевидностью «работал» на будущее.

Новые явления в социально-экономической, политической жизни сопровождались переменами во всех других сферах. Более того они в значительной мере обуславливались последними научными и Великими географическими открытиями, техническими изобретениями, Реформацией и т. п.

Научные открытия и изобретения в Европе в XV–XVII вв., по признанию Ф. Бэкона (английского философа XVII в.), изменили «облик и состояние целого мира». В XIII–XIV вв. в Европе стали известны компас и порох, а в XV в. (1455 г.) Иоганн Гуттенберг изобрел печатный станок. Первой книгой, напечатанной И. Гуттенбергом, стала Библия. И. Гуттенбергу удалось найти наилучшие технические формы для реализации тех идей, которые частично высказывались до него и создать такую систему, которая сделала ненужными сотни рукописных мастерских монастырей и владетельных особ. Книги становились дешевле, а главное – более доступными для людей. Доступ к знаниям мог осуществляться без посредника, т. е. без церкви. Не случайно великий русский мыслитель В.И. Вернадский подчеркивал, что мы можем и должны начинать историю нашего научного мировоззрения с открытия книгопечатания. Книгопечатание очень быстро распространилось по Европе. По подсчетам ученых, уже в 1501 г. типографии работали в 260 европейских городах. В 1525 г. в Кракове началось печатание кириллицей. Выдающаяся роль в истории отечественного книгопечатания принадлежит великому белорусскому просветителю Ф. Скорине. В 1517 г. он основал славянскую типографию в Праге, а в 1522 г. создал типографию в Вильнюсе. Первая типография в Москве была создана в 1553 г. Первой точно датированной русской печатной книгой стал «Апостол», выпущенной И. Федоровым и П. Мстиславцем.

Позднее средневековье вписало целый ряд блестящих имен в историю естественных наук. Характерной чертой науки в это время становится решающее значение опыта в познании природы. Соединение теоретических рассуждений с проверкой их на практике привело к выдающимся научным открытиям. Н. Коперник создал гелиоцентрическую картину мира, совершив тем самым переворот в естествознании. Астроном и физик Г. Галилей сконструировал подзорную трубу и открыл с ее помощью горы на Луне, фазы Венеры, спутники Юпитера и др. Открытия Г. Галилея способствовали распространению и утверждению гелиоцентрической теории Н. Коперника. Последняя преследовалась католической церковью. Известна трагическая судьба Д. Бруно, одного из последователей Н. Коперника. Д. Бруно был сожжен на костре по приговору инквизиционного суда. Публикацию трудов Г. Галилея церковь запретила.

Много нового появилось в области физики, механики, математики. Стивенем были сформулированы теоремы гидростатики, Г. Кремер (Меркатор) создал более совершенные географические карты. Труд Везалия «О строении человеческого тела» знаменовал свой прорыв в познании анатомии человека. Выдающийся медик Парацельс сблизил химию и медицину, сделал важнейшие открытия в фармакологии. Многочисленные проекты, экспериментальные исследования были осуществлены Леонардо да Винчи. Его инженерные проекты опередили современную ему техническую мысль и предвосхитили некоторые позднейшие открытия (например, летательного аппарата). Значение научных достижений эпохи позднего средневековья велико, ибо научные открытия и изобретения ученых формировали новые взгляды на мир, человека, отличные от тех представлений, которые в течение многих веков внедрялись в сознание людей католической церковью. Несомненно, что незыблемость положения католической церкви как диктатора-монополиста в духовной жизни общества, таким образом, подрывалась.

Новые представления о мире человек позднего средневековья получал и в результате Великих географических открытий. Период конца XV в. – середины XVII в. наполнен многочисленными морскими путешествиями европейцев, открытием новых земель. «Охота к перемене мест» была для европейцев напрямую связана с развитием экономики – ростом мануфактурного производства, торговли, нехваткой драгоценных металлов. Возможными же Великие географические открытия стали благодаря новому учению о шарообразности Земли, знанию в области астрономии и географии, усовершенствованию навигационных приборов (компаса, астрольбии), появлению нового типа парусного судна – каравеллы. Все эти перемены – знаки позднего средневековья, как об этом уже говорили выше.

Путешествия к берегам Америки, вдоль побережья Африки европейцы совершили еще в древности. Но, как известно, географическим открытием считается не только посещение каким-то народом ранее неизвестной части Земли, но и установление связи между этим народом и народами, заселявшими открытые земли. Только путешествия Х. Колумба, Васко да Гама, Ф. Магеллана положили начало широким связям между Европой и новыми частями Земли.

Поиск новых торговых путей в XV в. первыми начали португальцы и испанцы. Португальцы в 60-е гг., заложив свои опорные пункты на западном побережье Африки, открыли острова Зеленого Мыса. Испания в то время принимает проект Х. Колумба.

Начиная с 1492 г. Х. Колумб совершил несколько морских путешествий в Америку, будучи до конца своих дней убежденным в том, что

открыл пути в Индию. Судьба этого великого человека трагична. В Испании ему не могли простить того, что на открытых землях не было золота. После возвращения из последнего путешествия Х. Колумб был лишен всех доходов и привилегий и умер в нищете.

Ошибка Колумба позднее была исправлена флорентийским купцом Америго Веспуччи, состоявшим на службе сначала у испанских, а затем португальских королей. А. Веспуччи совершил в начале XVI в. путешествие в западное полушарие, высказал мысль о том, что Х. Колумб открыл не побережье Индии, а новый материк. В честь А. Веспуччи этот континент был назван его именем. Уже в 1515 г. появился глобус с другим названием. Гипотеза А. Веспуччи была окончательно подтверждена в результате кругосветного путешествия Магеллана в 1519–1522 гг.

Немало драматических моментов было и в жизни Васко да Гама, португальского мореплавателя, действительно открывшего морской путь в Индию.

В XVI в. – первой половине XVII «испанцы обследовали Южную Америку, завоевали в кровопролитной борьбе государства инков, майя, ацтеков, захватили огромные сокровища, накопленные правителями и жрецами этих государств.

В начале XVII в. была подтверждена давняя идея о существовании Южного материка. Это было сделано Л. де Торресом, открывшим Австралию. Однако испанцы, получив от Торреса сообщение об этом открытии, утаили сведения о нем: испанское правительство не имело тогда средств и сил для освобождения новой земли и, боясь конкурентов, пошло на сокрытие информации Торреса. Позднее, в XVII в., английский мореплаватель Д. Кук, вторично открыв австралийский континент, признал приоритет Торреса как первооткрывателя.

В историю Великих географических открытий вписаны и имена русских землепроходцев – С.И. Дежнева, Ф.Д. Попова. В 1648 г. доказали, что Азиатский материк отделен от Америки проливом. Кроме того, ими были уточнены и нанесены на карту очертания северо-восточного побережья Азии. Однако пролив, открытый Дежневым, в XVIII в. получил имя В. Беринга (датского мореплавателя, находящегося на русской службе), поскольку донесение С. Дежнева затерялось в якутских архивах и было опубликовано лишь в 1758 г.

Таким образом, в XVIII вв. в результате смелых морских и сухопутных экспедиций Х. Колумба, Васко да Гама, Магеллана, Торреса, С. Дежнева и др. была открыта и исследована значительная часть Земли. Пути, проложенные между различными странами и материками, связали между собой людей, до тех пор не подозревавших о существовании

друг друга. Человеческая история с этого времени превращается, действительно, во Всемирную.

Великие географические открытия способствовали складыванию мирового рынка. Расширились экономические связи Европы с Африкой и Азией, были установлены отношения с Америкой. Центр мировой торговли и экономической жизни переместился из Средиземного моря в Атлантический океан. Ведущая экономическая роль в Европе в XVI в. принадлежала Антверпену, где действовали фондовая и товарная биржи, собиравшие финансистов и купцов всей Европы. К началу XVII в. эту роль перехватил Амстердам. Одним из последствий географических открытий стало и формирование колониальной системы.

Диалог цивилизаций, культур, начавшийся с открытием Нового света и содержащий несомненный положительный потенциал, сопровождался массовым истреблением европейцами населения новых земель, их ограблением, насаждением жесточайших форм эксплуатации, насильственным введением христианства.

В конце XVI в. сложились две колониальные империи – испанская в Латинской Америке и португальская, центром которой стала Бразилия. С середины XVI в. в борьбу за внеевропейский мир вступили Англия, Франция, Голландия. Соперничество европейских держав за преобладание в Новом Свете стало мощным символом их развития.

Богатства, хлынувшие в Европу из новых земель, ускорили процесс первоначального накопления капитала, формирование капиталистической системы хозяйства в ведущих европейских странах того времени. Цена европейского процветания складывалась из гибели древнейших цивилизаций Южной Америки (инков, ацтеков), из вывоза драгоценных металлов, сырья, неэквивалентного обмена, являвшегося, в сущности, открытым грабежом.

Предвестником глубоких перемен в европейском обществе было и явление, которое получило название Возрождения или Ренессанса. Родиной Возрождения стала Северная Италия (XIV в.). В дальнейшем границы Возрождения расширились, охватив в XV–XVI вв. Францию, Англию, Германию.

Для Возрождения характерно обращение к культурному наследию античности, чистоте греческого, латинского языков. Но глубинная сущность Возрождения иная. Отталкиваясь от античных традиций, оно сформировало новое, отличное от средневекового, мировоззрение – учение гуманизма. В центре учения был человек свободной воли, предназначением которого признавались самосовершенствование и саморазвитие, – человек как центр Вселенной. Гуманизм Возрождения, таким образом, отличали индивидуализм и антропоцентризм.

Новая концепция человека пронизывает произведения таких великих представителей эпохи Возрождения как Леонардо да Винчи, Р. Микеланджело, П. Брейгель, А. Дюрер, Ф. Рабле, Ф. Петрарка, Д. Боккаччо, Л. Альберти, Донателло, Рафаэль и др.

Эпоха Возрождения – это не только блестящие имена в искусстве, художественной литературе. Проблема совершенного общества, государства как необходимого условия для свободного саморазвития человека была одной из центральных в исторической, политической, философской мысли эпохи.

Подлинный переворот во взглядах на политику произвел выдающийся историк и мыслитель П. Макиавелли (1469–1527 гг.). Он освободил политику от пут теологии, поставил на реальную основу изучение действительности. Н. Макиавелли видел в политике науку и искусство, умение анализировать ситуацию, осмысливать ее и находить правильное решение. Особенно четко реализм его политической мысли прослеживается в книге «Государь». Многие авторы видели и видят в «Государе» апологетику политического предательства, подкупа, обмана, коварства и т. п., что нашло отражение в понимании «макиавеллизм». Но, такое толкование «Государя», скорее всего, идет от того, что вышеназванные средства политической борьбы абсолютизируются, рассматриваются в отрыве от патриотической позиции автора. Н. Макиавелли глубоко переживал трагедию раздробленной Италии и пытался дать в «Государе» руководство по созданию сильного централизованного государства, способного противостоять внутренним и внешним врагам.

Идеи гуманизма нашли глубокое осмысление в «Опытах» М. Монтеня (1533–1592 гг.). Он отвергал религиозные основы мировоззрения, отстаивал светское свободомыслие, осуждал схоластику. Главный принцип этики М. Монтеня – свободные проявления человеческой индивидуальности, освобождение разума от подчинения вере, полноценность эмоциональной жизни. Пожалуй, нет ни одной темы жизни человека XVI в., которую бы не пытался осмыслить М. Монтень и, пожалуй, найдется не так уж много трудов прошлого, которые по своей проблематике и подходам к ней были бы столь созвучны современности.

В ряду выдающихся мыслителей XV–XVII вв. свое законное место занимают также Т. Кампанелла, Д. Бруно, Э. Роттердамский, Ж. Боден, Т. Мор, Ф. Бэкон, Б. Спиноза.

Возрождение в определенной степени готовило Европейскую Реформацию – социальное и политическое движение против католической церкви. Критика пороков духовенства, призывы восстановить истинно христианское благочестие, идеи церковной реформы – все это предвещало Реформацию. Но идеология Возрождения и идеология Реформа-

ции отличаются. Гуманизм Возрождения рационалистичен. Возводя личность в абсолют, он формировал не только человека, ориентированного на созидание, добро, но и человека, который может быть и силой разрушения. Реформация же ставит во главу угла веру, а не разум. Гуманизм терпим, диалогичен, снисходителен к чужим мнениям. Реформация требует единомыслия и твердой религиозной дисциплины. Гуманизм сосредоточен на человеке – Реформация ищет знания Божественного. Но и Реформация, и Возрождение – это разрыв со средневековьем, только осуществлялся он по-разному.

Начало Реформации положил 31 октября 1517 г. профессор Виттенбергского университета Мартин Лютер, который обнародовал свои 95 тезисов против торговли индульгенциями. Реформация начиналась как попытка мирного обновления католической церкви, ее освобождения от злоупотреблений. А обернулась она распадом католического христианства, как одного из оплотов средневекового европейского общества.

Чтобы понять столь разительную разницу между первоначальными целями и конечными результатами Реформации, надо обратиться к тем процессам, которые происходили в обществе в XV–XVI вв. С одной стороны, церковь теряла свой авторитет. Явным симптомом этого стало недовольство продажей индульгенций. Церковь, спекулирующая ими, превращалась в глазах верующих в торговую лавку, переставала быть духовным учреждением. С другой стороны, общество, переживая ломку средневековых устоев, как никогда нуждалось в духовной опоре и попечительстве. Люди, оставленные в одиночестве, находили опору в собственных религиозных чувствах, вере, связывающей их души с богом. Вот почему проповедь церковной реформы встретила столь горячий и масштабный отклик, начавшись с тезисов М. Лютера, она охватила практически всю Европу.

Духовными лидерами Реформации были М. Лютер и Ж. Кальвин. Главный принцип учения М. Лютера – спасение верой. Душу человека спасает только вера, а не заступничество церкви, не посещение служб, не многочисленные таинства. Из этого принципа вытекали следующие положения М. Лютера:

- Между верующим и Богом не должно быть посредников в лице церковной иерархической организации.
- Отвергал духовный авторитет папы, считал вредными и ненужными пышный культ.
- Из семи таинств католической церкви признавал два – крещение и причастие.

- Отвергал безбрачие (целибат) священников.
- Отстаивал необходимость богослужения на языке верующего, а не на латинском.

Логическим следствием отрицания М. Лютером пышного культа стало его требование секуляризации церковной и монастырской собственности.

Важнейшим в учении М. Лютера было положение о том, что единственным источником религиозной истины является только Священное Писание (истинность Священного предания им отвергалась).

Логическим завершением догмата М. Лютера о спасении верой стало учение Ж. Кальвина о двойном предопределении. В соответствии с этим учением над всеми верующими тяготеет судьба – Божье предопределение, и человек не может знать свою посмертную судьбу, т. е. перед Богом, судьбой люди не равны. Но, по Ж. Кальвину, человек должен быть уверен, что он является Божьим избранником, и такую уверенность он может получить в мирской активности, энергии, профессиональных успехах, стремлении к богатству, процветанию. Все это – признак предызбранности к спасению. Таким образом, по Кальвину, будучи не равными перед Богом, люди равны в своем земном предопределении, ибо каждый человек имеет шанс на самовыражение – успех, богатство, преуспевание и т. п. – и должен им воспользоваться.

Сторонников М. Лютера, а потом и других духовных вождей Реформации – Ж. Кальвина, У. Цвингли – стали называть протестантами. Протестантизм, возникнув как религиозное движение, со временем превратился в социально-политическое. В Германии требование религиозных реформ стало частью борьбы за и против сохранения раздробленности, многовластия князей. Во Франции религиозные противоречия дополняли противоречия, существовавшие между сторонниками и противниками утверждения королевского абсолютизма. В Англии, Швеции, Дании характер Реформации определялся, в первую очередь, устремлениями королевской власти.

Противоборство сторонников католической церкви и протестантизма выражалось в разных формах, доходило до религиозных войн, сопровождалось жестокостью обеих сторон. В XVI в. Европу сотрясали военные конфликты, которые происходили между католическими сторонами и протестантскими, гражданскими войнами внутри отдельных государств. Так, во Франции раскол общества определялся борьбой протестантов – гугенотов и католиков. Варфоломеевская ночь (24 августа 1570 г.) вошла в историю как символ религиозного фанатизма. Но современники, привыкшие к подобным погромам (например, в 1566 г. в ночь святого Михаила гугеноты города Нима вырезали всех католиков),

были потрясены и другим. На их глазах нарушался веками действовавший порядок – рушились сословные границы, ибо одни дворяне убивали других, объединившись с плебеями, и все это делалось с согласия короля. Под знаком борьбы кальвинистов и католиков шла и революция в Нидерландах, направленная против власти испанской короны, на создание благоприятных условий для экономического развития. Потребовалось время, чтобы противоборствующие в Реформации стороны поняли, что фанатизмом, войнами проблем не решить. Так, в 1555 г. был подписан Аугсбургский мир в Германии. Протестантам в соответствии с этим миром удалось добиться признания своих прав на основе принципа «чья власть, того и вера». В 1598 г. во Франции был подписан Нантский вердикт.

Он объявил католицизм официальной религией, но за протестантами (гугенотами) сохранялись права, им передавались крепости на юге. Однако в XVI в. исход борьбы не был определен. Лишь к середине XVII в., после кошмаров тридцатилетней войны, религиозное противостояние перестало быть главной пружиной войн и конфликтов.

Одним из последствий Реформации было то, что была сложена монополия католической церкви как одного из главных устоев средневековой системы в духовной жизни общества. Возникли новые религиозные течения (протестантизм, лютеранство, англиканство и т. п.). Всюду, где Реформация утверждала новые церковные порядки, во владение мирян переходили огромные земельные богатства и другое имущество католической церкви, осуществлялась секуляризация. Благодаря этому укреплялись позиции светской власти.

Но, пожалуй, главное значение Реформации заключается в ином: она способствовала идеологическому обоснованию нового типа личности – личности активной, деятельной, пассионарной. Именно в таком типе личности нуждалась Европа на пороге перемен, на пороге перехода от традиционного общества к индустриальному. Этой с одной стороны. А с другой, именно Реформация, формируя новую личность, сделала возможным этот переход. Как показывает исторический опыт, страны, не пережившие религиозной Реформации, в том числе и Россия, оказались во втором эшелоне и не смогли столь успешно, как европейские, стать на рельсы индустриального общества.

Рассматривая подобным образом последствия Реформации, современные историки дистанцируются, признают не совсем точными утверждения М. Вебера (немецкого социолога, философа, экономиста, 1864–1920) и К. Маркса, и их сторонников. М. Вебер был склонен считать, что происхождение капитализма связано с Реформацией, с «хозяйственной этикой капитализма» К. Маркс полагал, что именно капита-

лизм породил Реформацию. Однако, как уже отмечалось, Реформация не была идеологией капитализма, она была религией, соответствующей мироощущению людей XVI в., которое складывалось под влиянием не только экономического, но и целого ряда других факторов.

Таким образом, как видно, средневековое общество в рассматриваемый период столкнулось с целым рядом антисистемных явлений (Великие географические явления, контуры европейского и мирового рынков, мануфактуры, Реформация и т. п.). Они со всей очевидностью свидетельствовали о том, что средневековый мир разрушался, уступая место Новому времени, в рамках которого позднее окончательно завершится переход от традиционного общества к индустриальному.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XV–XVII ВВ.

1. Социально-экономические отношения в Московской Руси.
2. Политический строй Московского государства.
3. Особенности Московского государства.

Конец XV–XVII вв. был для России периодом становления и формирования единого централизованного государства. В его основе лежали сложные социально-экономические, этические, политические, территориальные преобразования. Путем войн или добровольно присоединялись новые земли и города: Псков (1510 г.), Смоленск (1512 г.), Рязань (1521 г.). В XVI столетии территория России увеличилась до 5400 тыс. кв. км. В состав Русского государства вошли многие народы Поволжья, Приуралья, Западной Сибири.

Новые земли требовали освоения и защиты. Остро стояла проблема формирования единой системы управления, унификации права, налоговой системы. Все эти проблемы не могли решиться в одночасье и потому, что сами по себе не были простыми, и потому, что молодое, неокрепшее государство, только-только освободившееся от длительного татарского рабства, не располагало достаточными ресурсами. Основным его богатством была земля. Она и стала мощным государственным инструментом решения сложных социально-экономических и политических проблем.

Значительная часть земли находилась в собственности государства. Это были так называемые «черные земли». Одним из крупнейших землевладельцев являлось духовенство.

Как и во времена Киевской Руси, удельных княжеств, в Московском государстве продолжало существовать вотчинное землевладение

(боярское и княжеское). Вотчины могли передаваться по наследству, отчуждаться, но свобода отчуждения была ограничена: продавать свои земли бояре и князья могли только родственникам, т. е. право боярского рода на землю защищалось законом.

Однако позиции вотчинного землевладения в Московском государстве оказались сильно поколебленными. Уже в период ига в Северо-Восточной Руси получает широкое распространение условное – помещичье, дворянское – землевладение. К середине XV в. оно приобретает массовый характер. Поместья вместе с проживающими на них крестьянами давались людям на время несения военной или гражданской службы. В отличие от вотчины, поместье не могло передаваться по наследству, дариться, отчуждаться. Помещик, получающий землю за службу, должен был по зову монарха являться к нему «конно, людно, оружно».

Дворянская конница была главной военной силой московских князей. Она сыграла большую роль в объединенном процессе, возвышении Москвы, превращении ее в политический центр нового государства. Дворянство, в отличие от вотчинников (бояр и князей), не было связано с традициями удельной раздробленности, независимости, не обременено привилегиями прошлого. Поэтому дворянство становилось опорой складывающегося централизованного государства.

Разница между вотчинной и условной, поместной формами землевладения, естественно, порождала противоречия между боярством и дворянством. Правительство шло навстречу требованиям служилых людей, постепенно сближая правовой статус вотчин и поместий. Так, в 1556 г. был введен единый порядок военной службы как для вотчинника, так и для помещика. Окончательно правовой статус вотчины и поместья был уравнен при Петре I. Таким образом, как видно, в Московском государстве в XV–XVIII вв. происходили существенные изменения в системе землевладения. Не менее существенным дополнением к ним стало развернувшееся в это же время закрепощение крестьянства. Процесс закрепощения крестьянства начался уже в Киевской Руси, продолжался он и позднее. Но к концу XV в. значительная часть крестьян еще обладала свободой передвижения, не была собственностью феодалов.

Ситуация начинает меняться с переходом в XIV–XV вв. от подсеки к трехполью. Переход этот был вынужденным, обуславливался в значительной степени перенаселением Северо-Восточной Руси. Трехпольная система земледелия способствовала появлению излишков зерна, что повлекло за собой увеличение ценности крестьянского труда в глазах землевладельцев. В борьбе за крестьянина, развернувшейся между ними, не осталось в стороне и не могло остаться государство.

Первый шаг в ограничении свободы крестьянства был сделан в 1497 г. Судебник 1497 г. установил единый для всей страны срок перехода крестьян к новым хозяевам – так называемый Юрьев день. Судебник 1550 г. уточнил нормы и условия крестьянского перехода, сделал их более тяжелыми для крестьянина, увеличив, в частности, плату за «пожилое» (за проживание и пользование землей феодала). В конце XVI в., по мнению ряда ученых, было ликвидировано право перехода крестьян, то есть «отменен» Юрьев день, и определены сроки сыска беглых крестьян. Ответом крестьян на отмену Юрьева дня стали побег крестьян от феодалов. Государство отреагировало на них распоряжением о введении «урочных лет», т. е. времени, отпущенного помещикам для сыска беглых крестьян. По Соборному Уложению 1649 г. сыск стал бессрочным.

Таким образом, в середине XVII в. завершается одна из самых драматических страниц нашей истории – утверждается крепостное право. Окончательной точкой в процессе закрепощения крестьян историки считают указ Петра I «О единонаследии». Однако указ Петра I скорее штрих к системе крепостничества, сущностные же ее черты окончательно оформились к середине XVII в. Одна из них – прикрепление крестьян не только к феодалу, но и к земле (в отличие от Западной Европы, где крестьянин считался прикрепленным только к сеньору, а не к земле).

В конце XVII в. из 812 тяглых дворов лишь около 10 % принадлежало свободным посадским людям и черносотенным крестьянам. Подавляющее число, учтенных переписью 1678–1679 гг. домовладельцев, являлось крепостными.

Как крестьянское, так и помещичье хозяйство оставалось, как и прежде, в основном, натуральным. Пашня по-прежнему обрабатывалась сохой, бороной, реже – плугом, уборка производилась серпом и косой. Но в развитии сельского хозяйства России в XVI–XVII вв. появились некоторые новые черты. Это рост производства зерна в связи с утверждением трехполья, освоением новых территорий, успехи в производстве технических культур, особенно льна, формирование районов, производящих хлеб (среднее Поволжье, Черноземный центр), и районов – потребителей хлеба (Поморье, Нижнее Поволжье, Сибирь). Последнее обстоятельство создавало условия для экономического взаимодействия различных регионов страны.

Основной формой собственности в Московском государстве, как уже отмечалось, была собственность на землю. Ее структурой во многом определялась и социальная организация общества. Как на Западе, так и в России она складывалась, прежде всего, под влиянием экономи-

ческих отношений, но не без вмешательства государства. В России его роль была особенно ощутима и определялась рядом специфических факторов и обстоятельств. Во-первых, страна находилась в экстремальных условиях хозяйственной раздробленности регионов, низкой плотности и большой рассредоточенности населения, во-вторых, ощутимо сказывался низкий уровень развития товарно-денежных отношений, в-третьих, постоянно требовались противостояния внешней опасности, защита обширных границ. Необходимость максимальной мобилизации материальных и людских ресурсов требовала активной и действенной роли государства, изыскания и учреждения соответствующей социальной структуры общества.

Поиск и практика привели к созданию особой служилой системы. В ней каждый слой общества (сословия) имел право на существование лишь при условии выполнения определенного круга государственных обязанностей. Общество, за исключением духовенства, делилось на служилых и тяглых людей.

К служилым людям относились как служилые люди «по отечеству» – бояре, дворяне, так и служилые люди «по прибору» (по набору) – стрельцы, казенные мастера, пушкарки, служилые казаки. «Приборные» служилые люди жили своим трудом и были близки к массе эксплуатируемого населения. Тяглые люди выполняли комплекс натуральных и денежных повинностей в пользу государя. Это были горожане и крестьяне как зависимые, так и лично свободные. Среди них были и богатые «большие» люди и беднота – «меньшие».

Привилегированное положение в обществе занимали феодальные землевладельцы – светские и духовные помещики и вотчинники. Начиная с XVII в., они стали приобретать сословную замкнутость. В 1642 г. был издан указ о том, чтобы вернуть записавшихся в службу холопов в прежнее состояние, а в 1675 г. было запрещено верстать в дворян черносошных крестьян. Соборное Уложение 1649 г. провозгласило монопольное право феодалов на земельную собственность и рабочие руки. Поместье стало приобретать признаки наследственного владения.

Существенные изменения происходили и в составе крестьянства. Прежнее деление крестьян на серебрянников, старожильцев, новоприходчиков и др. утрачивает свою значимость. Однако эта крестьянская тяглая масса делилась на различные категории и группы, отличавшиеся по размерам и формам утраты феодальной ренты, государственными повинностями. Повинности крестьян оставались по-прежнему многообразными, а экономическое положение ухудшалось. Об этом говорится во многих челобитных крестьян. В одной из них крестьяне жаловались: «Будучи на изделье (на барщине) своих пашнишек вовремя спяхать не

успеем, и погибли мы бедные, до конца стали бесхлебные и бесконные и долгами хлебными и денежными обдолжались».

Крестьяне делились на владельческих, принадлежащих светским и духовным феодалам, дворцовых, находившихся во владении дворцового ведомства московских царей, и государственных «черносошных», живших волостными общинами, не принадлежавшим каким-либо частным владельцам. Черносошные крестьяне терпели гнет со стороны феодального государства не только из-за многочисленных налогов и податей, но и из-за прямого административно-полицейского вмешательства государства в дело «черной» волости. Поэтому усиливалось бегство черносошных крестьян, которые, как писали из Тотьмы в 1633 г. царю, бегут «от многих податей и от великих правей» (взыскания недоимок).

Вместе с тем происходило расслоение крестьян. Увеличивалось количество бобылей-крестьян, которые не имели своего хозяйства и не могли поэтому выполнять тягло. Кроме того, появились и распространились такие категории, как захребетники, подсусердники, т. е. крестьяне, которые, лишившись своего хозяйства, жили в других хозяйствах. Росло количество половников – крестьян, бравших ссуды и отдававших за это половину своего урожая.

Заметно усилился процесс расслоения крестьянства к концу XVII в. Среди черносошных крестьян появились зажиточные крестьяне. Они нередко покупали участки земли, приобретали их по закладным кабалам, давая денежные ссуды под залог земли и тем самым, закабаливая других крестьян, осуществляли ростовщические и торговые операции. Из среды зажиточного крестьянства вышли крупные русские купцы XVII в.: Босые, Глотовы, Ревякины и др.

Немалая часть крестьян вынуждена была искать заработки на стороне: уходила в бурлаки на Волгу или на какие-нибудь иные промыслы. Среди работных людей на промыслах, транспорте и других предприятиях были как наемные, так и крепостные.

Тяглое городское население в Московском государстве делилось на три части. Одна часть жила на «белой» земле, принадлежавшей светским и церковным феодалам, и находилась в феодальной зависимости от землевладельцев. Другая часть жила в дворцовых слободах, управлялась дворцовыми ведомствами и работала по его приказам. Наиболее многочисленную часть населения составляли «черные посадские слободы» и сотни. Это были в основном ремесленники и торговцы, которые жили на посадах, т. е. в той части города, которая находилась вне крепости.

Посадское население составляло единую тяглую общину, несло государственные повинности, распределявшиеся между отдельными пла-

тельщиками. Раскладка повинностей, в состав которых входили как денежные платежи, так и служба в пользу государства, производилась посадским миром в зависимости от имущественного положения. Посадское население было заинтересовано в том, чтобы никто из жителей не уклонялся от несения повинностей, и все были прикреплены к тяглу.

В XVII в. на территории Русского государства насчитывалось 250 городов. По количеству населения доминировала Москва – около 27 тыс. человек. Более 500 посадских дворов насчитывали 15 крупных городов. Города становились центрами торгово-промышленной жизни страны. Формируются районы, специализировавшиеся на производстве определенных товаров. Изготовление полотна в XVII в. сконцентрировалось в Новгороде, Пскове, Смоленске, Ярославле, Костроме, Вологде. Крупнейшими центрами по обработке кожи были Ярославль, Вологда, Казань, Нижней Новгород, Калуга. Первоклассными плотниками располагало Поморье. Центрами железоделательных промыслов были Тульско-Серпуховской, Тихвинский, Устюжно-Железопольский районы. Районы Поволжья были основными поставщиками хлеба.

Однако русские города по своему социальному составу, правовому статусу значительно отличались от городов Западной Европы. Большинство европейских городов того времени имели выборные органы управления, существовали независимо от феодалов. В них действовало правило: «городской воздух делает человека свободным». Под защитой законов крепло и богатело бюргерство – «третье сословие». Накапливались капиталы, и промышленность постепенно переходила от цехового ремесла на стадию мануфактуры.

В 20–30-е годы XVII в. в России тоже появились мануфактуры – относительно крупные производства с разделением труда. Первые мануфактуры возникли в металлургии, что диктовалось потребностью государства в вооружении, которую не могло полностью удовлетворить ремесленное производство. Особое место среди них занимала Оружейная палата. Здесь производилось огнестрельное и холодное оружие. В тесной связи с Оружейной палатой действовали Золотая и Серебряная палаты, производившие золотые и серебряные изделия в основном для царского двора и знати. Наиболее крупными мануфактурами (до 200–300 рабочих) были денежные дворы. В Москве действовала текстильная мануфактура – Хамовный двор, в Архангельске – канатный завод. В отличие от Запада, в России мануфактуры создавались не частными предпринимателями, а в основном государством и на них работали не наемные рабочие, а крепостные крестьяне. Государство давало «наряды» на производство определенного количества продукции, принимало изготовленный товар по «указанным» ценам. В Европе же товар

мануфактур продавался на вольном рынке, по свободным ценам. В России к концу XVII в. насчитывалось около двух десятков мануфактур. В европейских городах они уже получили распространение и заняли ведущее место в промышленном производстве.

Важное место в жизни городов, в обеспечении горожан товарами принадлежало купцам. Верхний слой купечества составляли гости и торговые люди гостиной и суконной сотен. Гости (в середине XVII в. их было около 30 человек) – самая богатая и привилегированная часть купечества. Они имели право свободы выезда за границу по торговым делам, право владеть вотчинами, освобождались от многих налогов и посадских служб. Розничная торговля находилась в руках мелких торговцев, владевших в торговых рядах лавками.

В XV–XVI вв. появляется особая группа населения – казачество. Поселение казаков располагалось на трех крупных реках Дон, Яик (Урал), Днепр. Таким образом, к концу XVII в. социальная структура России имела ярко выраженный сословный характер. Причем созданием сословий Россия была обязана в значительной мере государственной власти. Условия существования Московского государства подтолкнули его к организации сословной, служилой системы, по существу, к закреплению всего общества.

Возникшее под эгидой Москвы государство потребовало качественно новой, централизованной системы управления. Огромное по территории, в шесть раз больше бывшего Московского великого княжества, Российское государство не могло эффективно функционировать и развиваться на прежних территориальных принципах управления. Поэтому в середине XVI в. вместо территориальной вводится функциональная (вертикальная) система управления – создаются приказы. В старинных органах дворцового управления – Большом дворце и Казне – начали образовываться особые ведомственные «столы», управляемые дьяками. Затем они превратились в приказы, когда определенная группа вопросов стала поручаться («приказываться») какому-либо боярину, вокруг которого складывался постоянный штат дьяков и подьячих. Первое упоминание о приказах относится к 1512 г., когда сформировались Разрядный, Поместный, Посольский, Челобитный и др. приказы. Первоначально насчитывалось порядка 20 приказов.

Приказная система являлась характерной феодальной формой организации государственного управления. В ее основе лежали принципы неразделенности судебной и административной власти. Для обеспеченности приказов им нередко давались в управление отдельные города и уезды, где они собирали в свою пользу налоги и пошлины. Приказы были функциональные и территориальные, дворцовые, общегосударствен-

ные. Границы деятельности приказов нередко бывали весьма противоречивыми. Например, финансовые дела делились между приказами Большого дворца, Большого прихода и другими. Были территориальные приказы – «четы». С присоединением новых территорий возникали Казанский, Сибирский и другие приказы, ведавшие всеми делами на определенной территории. В приказах постепенно формировался слой профессиональных чиновников из незнатных служилых людей – знатоков своего дела, со временем начавших оказывать существенное влияние на решение государственных вопросов. В административном отношении страна делилась на уезды, а они, в свою очередь, подразделялись на станы, станы – на волости, а иногда наоборот. Власть в уезде принадлежала наместнику. Властные полномочия в волости осуществлял волостель. За выполнение судебно-административных функций наместники и волостели собирали с подвластного и подсудного населения в свою пользу «корм», подобно тому как в Древней Руси по «Русской правде» существовал «покон вирный». Такая форма управления на практике нередко приводила к бесконтрольности и произволу со стороны бояр – кормленщиков. Возникло нечто вроде феодальной автономии отдельных земель с той разницей, что во главе их стоял не местный князь, а московский наместник.

Важную роль в преодолении наместничества, усилении центральной власти сыграли реформы Ивана IV Грозного. Большое влияние на их подготовку и проведение оказали не только дальновидность и решительность самого царя, но и изменения в структуре господствующего класса. Старое боярство периода феодальной раздробленности уступило место дворянскому служилому сословию. Однако его влияние на дела управления совершенно не соответствовало его удельному весу. Боярская дума представляла в основном одну знать. Местнические порядки прочно закрывали дворянам путь к высшим государственным постам. Дворянство не желало мириться с таким противоречивым положением и требовало реформ. В 1549 г. из доверенных лиц Ивана IV Грозного (А.М. Курбского, А.Ф. Адашева, митрополита Макария, протопопа кремлевского Благовещенского собора Сильвестра и др.) в составе Боярской думы была учреждена Избранная рада, которая явилась инициатором и в значительной мере проводником назревших преобразований.

В феврале 1549 г. был созван первый Земский собор из членов Боярской Думы, представителей духовенства и служилых людей. Первый Земский собор иногда называют «Собором примирения». На Соборе были одобрены меры к улучшению положения дворян. Они освобождались от подсудности боярам-наместникам и по всем судебно-административным делам перешли непосредственно в ведение цен-

тральной власти. Эта мера одновременно укрепляла царскую власть и ослабляла позиции бояр-наместников. Митрополит Макарий полностью поддержал царя.

Созыв Собора в 1549 г. – свидетельство создания сословно-представительного учреждения и превращения России в сословно-представительную монархию. Земские соборы не ограничивали власть царя, носили совещательный характер, однако, позволяли ей лавировать между дворянством и боярством. В сравнении с аналогичными представительными учреждениями на Западе – парламентом в Англии, Генеральными штатами во Франции и Нидерландах, рейхстагом и ландтагами в Германии, риксдагом в Скандинавских странах, сеймом в Польше и Чехии, Земские соборы в России играли менее значительную роль и возникли позднее. Право их созыва принадлежало царю, решения, принятые Земскими соборами, не были обязательными для самодержавной власти.

Сословно-представительные учреждения (земские и губные избы) создавались и на местах. В 50-х гг. XVI в. была завершена «губная» реформа. Из ведения наместников и волостей были изъяты дела о «разбоях», совершаемых «лихими людьми». Ими стали ведать губные старосты, избираемые из числа детей боярских. Они опирались на целовальников (то есть тех, кто принес присягу – поцеловал крест) и губных дьяков, своего рода секретарей. Губные старосты несколько похожи на мировых судей Англии, появившихся в середине XVI в. Мировые судьи также избирались из мелких землевладельцев, но функции их не ограничивались одними судами. Они издавали указы о бедных, ведали строительством и т. д. Однако губные старосты в России, выбираемые из пожилых, не способных к военной службе дворян, не горели особым желанием бесплатно выполнять трудные административные обязанности. Многие отказывались целовать крест, без чего нельзя было приступить к исполнению служебных обязанностей, некоторые уезжали обратно в свои уезды. Таких губных старост находили, сажали в тюрьму, а затем насильно отправляли на службу.

Наряду с губной проводилась земская реформа. Кормленщиков в городах лишили права суда и сбора податей. На их место пришли «излюбленные головы» и целовальники, которые избирались из числа богатых горожан и черносошных крестьян. Земская реформа в основном была проведена в черносошных уездах Севера. В 1556 г. система кормлений была упразднена. Лишь в пограничных районах наместники и волостели еще сохранялись, но их переводили на жалование. Военные вопросы были переданы воеводам. Постепенно они заменили наместников и волостелей.

В результате ликвидации системы кормлений и создания на местах сословно-представительных учреждений произошло укрепление центрального аппарата власти. Новая система местного управления нанесла мощный удар по княжеско-боярской олигархии. Постепенно ликвидировались старые перегородки между отдельными землями удельных времен, уничтожалось непосредственное взимание поборов в пользу самих местных властей. Таким образом, повышалась роль центральных органов власти.

Претерпевали изменения и низовые сословные организации. Расширялись функции крестьянской общины, в том числе в регулировании землепользования. Община часто противостояла феодалам, чиновникам, отстаивая интересы крестьян с помощью обычного права, суда, челобитных.

Развернувшиеся в русском обществе преобразования не могли не затронуть такой обширной и влиятельной организации как православная церковь. Высший церковный орган («Освященный собор») в полном составе входил в «верхнюю палату» Земского собора. Духовенство, как особое сословие, наделялось рядом привилегий и льгот: освобождалось от податей, телесных наказаний и повинностей. Стоглавый собор (май 1551 г.) унифицировал богослужение и все обряды, признал общерусскими около 50 «местночтимых» угодников и оформил единый для всего государства пантеон святых. В принятых изменениях нашел отражение общий процесс централизации в Русском государстве.

Темпы и способы централизации, упрочнение самодержавной власти, по-видимому, не удовлетворили Ивана IV. Так, в российской истории появляется опричнина. Разделив государство в 1565 г. на две части – опричнину и земщину, Иван IV установил на опричных землях особый порядок. Он заявил о своем праве без совета с думой «опалиться» на «непослушных» бояр, казнить и отбирать в казну земли и имущество опальных. Кровавые расправы над ними заставили содрогнуться всю страну.

В 1572 г. разделенные земли вновь были объединены. Опричнина как в прошлом, так и сейчас остается предметом особого внимания исследователей, пытающихся разобраться в этом явлении. Так, известный русский историк С.Ф. Платонов считал, что через опричнину царь Иван Грозный свел княжат с их родовых вотчин и тем самым разрушил гнезда княжеского землевладения на Руси. В опричнине С.Ф. Платонов видел широкомасштабную государственную реформу. В современной историографии появились и утвердились другие взгляды на опричнину. Так, А.А. Зимин рассматривает ее как очень сложное явление, в котором новое тесно переплеталось со старым, где централизаторская политика

проводилась в крайне архаичных формах. Другой известный историк Р.Г. Скрынников оценивает опричнину как результат столкновения между могущественной феодальной аристократией и поднимающейся самодержавной монархией.

Правление Ивана Васильевича Грозного оказалось для страны крайне противоречивым. Главным итогом его почти 50-летнего пребывания у власти явилось оформление централизованного Российского государства – царства, равного великим империям прошлого. Оно получило в XVI в. широкое международное признание, имело мощный бюрократический аппарат, который лично возглавлял «Всея России самодержавец». В это же время Россия вела изнурительную Ливонскую войну, переживала страшный террор, жестокий налоговый гнет во внутренней политике.

После смерти Ивана Грозного и до 1613 г. (т. е. до утверждения на престоле Михаила Федоровича Романова) России переживала Смутное время, находилась в глубоком социально-экономическом и политическом кризисе, на грани национальной катастрофы. Однако этой катастрофы не произошло. Патриотические силы спасли Россию. Восстановление страны потребовало консолидации народа, широкой социальной опоры и поддержки. Поэтому правление Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) явилось расцветом сословно-представительной монархии в России, когда регулярно созывались и проводились Земские соборы, действовали другие представительные органы власти.

Однако слабость и неразвитость сословий, полнейшая их экономическая зависимость от государя, всеобщее поклонение, признание над собой его неограниченной власти, а также необходимость концентрации и централизации власти в условиях постоянной внешней опасности и ряд других специфических факторов и обстоятельств не позволили России развиваться по пути сословно-представительной монархии. Со второй половины XVII в., (с утверждения в 1645 г. на престоле Алексея Михайловича) в стране начинает утверждаться абсолютная монархия. В отличие от стран Европы, где абсолютизм формировался в условиях развития капиталистических отношений и отмены старых феодальных институтов (особенно крепостного права), в России он совпал с упрочением и расцветом крепостничества. Если социальной базой западноевропейского абсолютизма был союз дворянства с городами (вольными, имперскими), то российский абсолютизм опирался в основном на крепостническое дворянство.

Установление абсолютизма сопровождалось широкой экспансией государства, его вторжением во все сферы общественной, корпоративной и частной жизни, усиления власти монарха. Соборное уложение

1649 г. законодательно оформило самодержавную неограниченную и наследственную власть. Даже преступный умысел (не говоря о действиях), направленный против персоны монарха, жестоко наказывался. Уложение оберегало жизнь и имущество государевых бояр и воевод, за покушение на которых полагалась смертная казнь «безо всякие же пощады».

Прекращалась деятельность Земских соборов. В 1653 г. состоялся последний Земский собор, созванный для обсуждения вопроса о воссоединения Украины. Значительно утратила свою роль Боярская дума. Все большее значение приобретают думные дяки и думные дворяне, т. е. бюрократия.

Существенные изменения обозначились в системе местного управления. В 1613 г. в 33 городах были назначены воеводы. Воеводское управление постепенно свело на нет местное самоуправление, подчинив его своему контролю. Таким образом, XVI–XVII вв. отличались в России как событийной насыщенностью, так и известным динамизмом общественных процессов. В это время начали происходить заметные перемены в экономической жизни: появляются мануфактуры, вырастает интенсивность внутренней торговли, усиливается специализация различных регионов страны и т. п. Однако стать решающим фактором экономической жизни России эти перемены не могли. Возникновение свободных рабочих рук, накопление капиталов, появление энергичных «капитанов экономики» – все это сдерживалось крепостничеством. Последнее, в отличие от Западной Европы, в XV–XVII вв. не только не ослабело, а, наоборот, усиливалось, приняв всеобъемлющий характер.

Социальный строй российского общества в XV–XVII вв. также определялся крепостничеством. Замкнутость сословий, создание которых инициировалось государством, и, как следствие этого, – подчинение сословных интересов государственным – все это характерные черты социальной структуры Московского государства в XV–XVII вв. Нетрудно заметить, что в Западной Европе в это время происходят прямо противоположные процессы – размывание границ между сословиями, усиление «третьего сословия».

Что касается российской государственности, то ее развитие в XVI–XVII вв. имеет определенное сходство с той эволюцией политической власти, которая происходила в это время в странах Западной Европы. В России, как и в Европе, к концу XVII в. четко обозначились контуры абсолютной монархии. Однако ее социальная опора в Московском государстве была иной, чем во Франции, Англии, а именно крепостническое дворянство.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в отличие от западноевропейских стран, где в XVII–XVIII вв. шло разложение традиционного общества, в России, наоборот, происходило усиление его позиций.

Процессы, происходящие в Московском государстве в XV–XVII вв., со всей очевидностью демонстрируют одну из особенностей российского исторического процесса – гипертрофированную роль государства. Государство к концу XVII в., по существу, поглотило все общество, закрепило его. Именно оно играло решающую роль в регулировании социальных отношений, создании сословий. Оно подчинило себе все те институты, которые могли бы осуществлять общественный контроль над государством.

Государство, власть всегда имеют тенденцию к полному, тотальному подчинению себе личности, обществ. Эта тоталитарная тенденция государства заставляет общество создавать различного рода институты, противодействующие «аппетитам» государства. В качестве учреждений подобного рода в Европе выступали сословно-представительные органы, церковь. Существовали они и в России, но их роль оказалась здесь иной.

Сословно-представительные органы – средневековые парламенты – в Англии, Франции возникали оппозиции монархам снизу, от века к веку наращивали свою самостоятельность, независимость. Инициатива созыва Земских соборов в России принадлежала монархам, и они же, добившись упрочнения своей власти, покончили во второй половине XVII в. с их существованием, не встретив при этом никакого протеста со стороны общества.

Иная ситуация была в России и с церковью. В Европе она представляла определенную оппозицию светской власти, временами даже подчиняла ее своим интересам. В России в силу влияния византийской традиции церковь особо не претендовала на сколько-нибудь серьезное соперничество с властью. Конфликт церкви и государства при Алексее Михайловиче завершился явной победой монарха.

Какими же обстоятельствами порождалась гипертрофированная роль государства в России? Как подчеркивается в нашей исторической литературе, они разнообразны.

Это прежде всего обстоятельства, связанные с пространственной, природно-климатической, геополитической ситуацией.

Как известно, большую часть территория России составляла в период Московского государства, как и ранее, равнина. Равнинный характер местности, а также огромные пространства, богатства природы порождали такие объективные реальности, как угроза нападения (откры-

тость границ, отсутствие сколько-нибудь значительных естественных преград благоприятствовало вторжениям извне, и история Киевской Руси, Московского государства наглядно подтверждает это), возможность колонизации новых территорий. Названные объективные реальности, в свою очередь, способствовали формированию ряда специфических качеств, характеристик России и русских. Таких как стремление к созданию сильного государства, слабость стимулов к интенсивным формам хозяйствования, консерватизм в мышлении, поведении, «безродность» («охота в перемене мест» проходит через всю российскую историю), заторможенность процессов в консолидации сословий и т. д. (разумеется, название качества – это лишь часть «портрета», но весьма существенная в контексте раскрываемой темы).

Немалое воздействие на исторический процесс в России оказывал климат, в основном континентальный. Температура уменьшается не только с юга на север, но и с запада на восток. По мере удаления от теплого Гольфстрима, который согревает всю Западную Европу (Верхоянск в России и Нарвик в Норвегии находятся примерно на одной широте, но в Верхоянске фиксируется самая низкая температура в мире, а Нарвик имеет незамерзающий порт). Количество осадков уменьшается в юго-восточном направлении, причем они обильнее там, где почвы беднее. Следствием климатической ситуации является крайне короткий цикл сельскохозяйственных работ. Парадокс заключается в том, что почвы требуют тщательной обработки, а времени на нее природа не отпускает. В Западной Европе перерыв в полевых работах составляет два месяца – декабрь, январь. Земледелец там имеет возможность заниматься улучшением почв. Крестьянину Европейской России на весь цикл сельскохозяйственных работ приходится затрачивать 125–130 рабочих дней в году. Напряженность труда российских земледельцев во время посевных, уборочных общеизвестна. Следствием природно-климатических условий является низкая эффективность сельскохозяйственного производства.

Р. Пайпс в книге «Россия при старом режиме» приводит сравнительные данные об урожайности в Западной Европе и России в средние века. К концу средневековья в Западной Европе она достигла сам–пяти, в XVI–XVII вв. – сам–семи, в Англии даже сам–десяти. В России же в средние века она составляла сам–треть, причем, в отличие от Европы, Россия вплоть до XIX в. не знала подъема урожайности (в Европе он был связан с ростом городов). Р. Пайпс ссылается на мнение специалистов, которые утверждают: чтобы население могло заняться другими видами производства, кроме обеспечения собственного прокорма, нужна урожайность сам–пять.

Какие социально-политические последствия порождали природно-климатические условия? Их много. Кроме того, следует иметь в виду, что связь между климатом и «политикой», разумеется, не прямолинейна. В связи с главной проблемой темы определим одно из последствий – необходимость жестких государственных рычагов для изъятия прибавочного продукта на потребности общества. В России сложилось явное противоречие между возможностями и потребностями. Потребности – внешние обстоятельства, необходимость сохранения государственности – требовали высокоэффективной военно-политической организации, сильного государства, а возможности – экономика – находились в противоречии с этой потребностью. Это противоречие «выплескивалось» в жесткие формы эксплуатации, деспотический характер власти, закрепощение общества государством. Среди других последствий природно-климатической ситуации в России можно назвать традиции коллективного (общинного в том числе) труда, слабость привычки к систематическому, тщательному труду, умение сконцентрировать усилие в экстремальных обстоятельствах и т. д.

Все вышеизложенное может породить предположение о предопределенности деспотических форм правления, жестких форм эксплуатации. Но вряд ли такой вывод будет абсолютно верным. Пространственная ситуация, природно-климатические условия создают определенные предпосылки. Но они могут реализоваться в полной мере, а могут быть и нейтрализованы. Кем? Людьюми, т. е. основными творцами исторического процесса.

Почему же наши предки не смогли противостоять предрасположенности к деспотии, гипертрофированной власти?

Путь, который выбирается государством, в определенной мере зависит от того, на какие образцы оно ориентируется. Западная Европа в средневековую эпоху развивалась под большим влиянием античных, римских традиций, жила «обломками римского быта». Здесь сложилась система вассальных отношений, практически отсутствовавшая в России. Эта система была основана на договоре. Из вассалитета средневековья европейская цивилизация позднее получила в качестве наследства такие привлекательные черты, как право, система судопроизводства, отдающие приоритет личности. Европейское средневековье не знало смешения понятий «власть и собственность», в России же отношения по принципу «государь – государев холоп» строились как раз на основе такого смешения.

И система вассалитета, и четкое разделение понятий «власть и собственность» в средневековой Европе складывались в значительной мере под влиянием античных традиций, римского права. Русь, Россия не мог-

ли в силу геополитического фактора – удаленности от античного мира – испытывать его воздействие в такой же мере, как европейские государства. Большое влияние на формирование особенностей государства в России оказали и конкретно-исторические события.

Среди факторов конкретно-исторического характера, обусловивших особую роль государства, несомненную роль сыграло влияние византийской культуры, традиций, в том числе и политических. В период татаро-монгольского ига связи Руси и Византии, конечно же, были значительно ослаблены. И тем не менее, идейное влияние Константинополя на русские земли продолжало сохраняться. Достаточно вспомнить, что до 1448 г. все митрополиты на Руси назначались Константинополем. Это был один из каналов не только организационного, но и идейного влияния на Русь. Известно, что вся литература в Византии была пронизана идеей всевластия императора, как наместника Бога, и полного подчинения ему церкви. Естественно, что в философских дискуссиях XV–начала XVI вв. о роли государственной власти, традиции Византии не могли не сказаться. Одним из их пропагандистов был настоятель Волоцкого монастыря Иосиф Волоцкий (1439–1515). В своей книге «Провосветители» он отстаивает идею объединения русских земель на основе самодержавия власти. Вслед за византийским писателем VI в. Агапитом И. Волоцкий повторяет: «Царь своим естеством подобен всем людям, а властью подобен вышнему богу». И. Волоцкий призывал всех христиан служить царям со страхом и трепетом и утверждал, что в борьбе с дьяволом царям дозволены любое коварство и насилие.

К конкретно-историческим факторам, приведшим к поглощению общества государством, всеобщему холопству относится и татаро-монгольское иго. Оно способствовало формированию в людях чувства страха, покорности («плетью обуха не перешибешь»), уничтожило многих князей, не мирившихся с уничтожением и неволей. Завоеватели, как известно, разрушили немало русских городов, часть из них пришла в упадок в период ига. На Западе же, как известно, именно города становились колыбелью вольности, свобод.

Еще одним обстоятельством, обусловившим особую, чрезмерную роль государства в России, были условия формирования здесь централизованного государства. Главным фактором образования подобных государств в Западной Европе (в Англии, Франции) был фактор экономический. Развитие рынка требовало политической централизации, ломки феодальных, средневековых перегородок. В России же главным фактором объединения русских земель стал фактор политический, военный – необходимость избавления от ига. Отсюда – особая роль княжеской

власти. Города, рынок, торговля не стали (и не могли в то время) цементирующей основой объединения русских земель.

Известно, что на роль политического центра в процессе объединения русских княжеств претендовала не только Москва. Победа именно московских князей также накладывала существенный отпечаток на характер образующегося государства. Общим местом является то, что московские князья добивались возвышения Москвы способами, далекими от высокой нравственности. К. Маркс имел вес основания писать об И. Калите, что он «смесь татарского заплечных дел мастера, лизоблюда и верховного холопа».

В качестве образца для подражания московские князья избрали Золотую Орду, власть татарских ханов. Вполне возможно, что это произошло невольно, несознательно – просто потому, что с другими властителями им не приходилось иметь дела. А татарские ханы, как видно из истории, правили, исходя из убеждения, что главная обязанность власти, государства – это сбор дани, поддержания порядка, обеспечение безопасности при полном пренебрежении к правам, благополучию подданных и их собственности.

Таким образом, в России в XV–XVII вв. сложилось общество, характерными чертами которого стали самодержавная власть, крепостное право, подчинение личности и общества государству. Что касается первых двух качеств, то они в той или иной мере были присущи и европейскому средневековью. Определяющей же роли государства в сфере общественных отношений Европа не знала. Эта роль сближала Московскую Русь с восточными деспотиями. И сложилась она как под влиянием постоянно действующих факторов российского исторического процесса, так и под влиянием конкретных исторических обстоятельств.

МИР И РОССИЯ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Европа и мир в XVII–XVIII вв.
2. Европейское Просвещение.
3. Специфика России в эпоху Просвещения.

Со второй половины XVII в. и до конца XVIII в. в истории европейской цивилизации наступает период, именуемый эпохой Просвещения, который является судьбоносным при переходе от традиционного общества к индустриальному.

Данный рубеж был обусловлен рядом процессов в жизни западноевропейского общества, так или иначе связанных формированием капи-

талистических отношений, основанных на частной собственности и рыночной (товарно-денежной) экономике. Иначе говоря, данный период явился крутым переломом в европейской истории при переходе от традиционного феодального общества к новому общественному строю – капитализму, олицетворявшему индустриальное общество. Новая эпоха характеризуется особым развитием первой формы буржуазных производственных отношений – «мануфактурным капитализмом». Несмотря на то, что данное явление четко проявилось только в странах передовых в общественно-экономическом отношении (Голландии и Англии), свидетельства его приближения наблюдались и в хозяйственном укладе других стран европейского континента. Количественное преобладание докапиталистических форм общественного производства над капиталистической мануфактурой порождало сложный механизм взаимодействия различных общественных укладов (традиционный и нарождающийся индустриальный). И, в первую очередь, здесь следует назвать ориентированность общеевропейской экономической системы на возможности капиталистической мануфактуры (прежде всего, в Англии и Голландии), тесно связанной со сложившимся капиталистическим рынком в Европе, посредством которого разрушалась былая хозяйственная замкнутость отдельных стран и регионов.

Развитие товарно-денежных отношений способствовало тому, что и весь мир к середине XVII в. начало представлять некое единство, в создании которого роль Европы была ключевой. Окончательно формируются внутренние рынки, создается мировой рынок, устанавливается мировая колониальная система и происходит межрегиональное разделение труда. При этом окончательно вырисовываются три региона:

1. Регион господства раннекапиталистического уклада, доминирующего и определяющего сложившуюся мировую систему на тот период, – Англия, Голландия, в меньшей степени – Франция, Швеция, ряд районов Германии.

2. Регион крепостничества, отстававший в социально-экономическом развитии, но игравший в европейской и общемировой структуре роль эксперта продовольствия и сырья в страны первого региона, где в связи с пролетаризацией значительной части населения, возник спрос на сельскохозяйственную продукцию, не удовлетворявшийся 2–3 местными ресурсами. Во втором регионе модернизация проходила лишь частично, нередко носила внешние формы, служила ответом на развитие раннекапиталистических государств. К нему относится район к востоку от Эльбы (Чехия, Польша, Россия, Пруссия и др.).

3. Традиционные общества Азии, Африки и Америки, самостоятельно не становившиеся на путь модернизации и поэтому рано (как

империи инков и ацтеков) или поздно (как Китай) попавшие в колониальную зависимость.

Рассматриваемый период был отмечен глубокими сдвигами и в политике. Переплетение различных укладов, размывание устоев традиционного общества, сопровождалось усилением общественного антагонизма, выступлениями крестьян, городского плебса, а также и утверждающейся буржуазии. Не случайно начало и конец данного отрезка истории ознаменовались, соответственно, английской (1649 г.) и французской (1789 г.) буржуазными революциями.

Итак, к середине XVII в. в рамках европейской цивилизации складывается новый крупный социальный слой со своей производственно-экономической нишей, со своей ментальностью и идеологией, который решительно не хотел и не мог вписываться в каноны средневековой цивилизации традиционного типа. Выразителем решительного этапа ее трансформации явилось Просвещение. Под Просвещением принято понимать широкое идейное течение, общественные настроения, формы исторического поведения и культурных предпочтений, которые ознаменовали крушение устоев и ценностей традиционного общества и выработку новых, характерных для сложившейся в новое время буржуазной цивилизации. Если рассматривать Просвещение сквозь призму проблемы модернизации, то можно сказать, что оно является культурно-идеологическим выражением процесса модернизации западноевропейского общества.

В числе основных идей, на которых базировалось Просвещение, в первую очередь следует назвать рационализм, т. е. веру в возможность разумного истолкования и использования мира. Считалось, что человеческое существование и мир в целом основываются на ограниченном числе определенных принципов – «разумных истин», познать которые может любой человек в любую эпоху. Более того, опираясь на них, он может привести свое существование в соответствие с ними и таким путем достигнуть счастья и благополучия. Без сомнения, Разум являлся важнейшей категорией эпохи Просвещения. Мир и природа оказывались построенными по разумным законам и, следовательно, были разумно познаваемыми. Сам же Разум был изначально присущ человеку по самой его природе. Таким образом, природа являлась разумной, а Разум естественным. Разум объявлялся высшим основанием и авторитетом. При этом в просветительском рационализме четко проявился характерный для Просвещения антитрадиционализм. Ибо отныне все существующие порядки и воззрения должны были оцениваться и трактоваться с точки зрения разумных начал, здравого смысла, пользы и возможности принести счастье человеку и обществу. Ни ссылки на боже-

ственный промысел, ни на мудрость мыслителей прошлого, ни на заветы предков и обычаи не могли явиться сами по себе веским аргументам без проверки их с позиции Разума. Неслучайно Кант определял Просвещение как мужество пользоваться собственным умом, без руководства кого-либо другого. Практически все наследие, накопленное европейской культурой, начиная от античности, должно было пройти подобный пересмотр. Недаром эпоха Просвещения имела столь сильный интерес к истории. В своих оценках прошлого просветители были весьма строги. Особенно негативно трактовалось средневековье, бывшее в их глазах эпохой варварства, невежества, суеверий и фанатизма, не принесшее, практически, ничего позитивного человечеству. Таким образом, выносился и приговор феодализму, всем его институтам и принципам, на которых он базировался. Каноны традиционного общества, регулирующие и определяющие его существование, подвергались нещадной критике. Сословное деление и общественно-корпоративные ценности, монополия церкви в духовной жизни и такая важная ценность для традиционного общества, как ориентация на прошлое и его повторение, – все это объявлялось предрассудками, порожденными невежеством. Просвещение порывало с прошлым и обращалось к будущему. Подобная ориентированность обусловила еще одну важную новацию в развитии человеческой мысли – идею прогресса. Однако нужно отметить, что прогресс понимался просветителями, прежде всего, как прогресс человеческого разума.

Следует отметить один любопытный элемент просветительской идеологии. Выступая против традиционализма, против мира средневековых феодальных устоев, третье сословие, рассматривая свои ценности как общечеловеческие, свое идейное новаторство как обретение естественного, присущего человеку от природы состояния.

Помимо мощного рационалистического и антитрадиционалистского мотива, в рамках Просвещения был выработан ряд теорий, оказавших сильное влияние на общественно-политическую мысль и практику, вплоть до наших дней. Это, прежде всего, теории естественных прав, общественного договора и разделения властей.

В теории естественных прав (Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо) был осуществлен новый подход к оценке человека. В качестве естественных прав рассматривались право на жизнь, свободу, достоинство и собственность. Эти права вытекают из самой природы человека и никто – ни король, ни государство, ни общество – не могут претендовать на то, что являются дарителями этих прав, не говоря уже о том, что посягательство на них есть посягательство на разумный природный порядок, извращение естественного положения вещей.

Теория общественного договора рассматривала государство и общество как результат добровольного, молчаливого соглашения между людьми, обязывающего верховную власть действовать во благо своих подданных и обеспечивать соблюдение их естественных прав, т.е. государство и общество должны руководствоваться теми же законами природы. При этом указывалась возможность разрыва народом общественного соглашения с правительством: в случае невыполнения последним своих обязанностей – революция и восстановление поправленных прав и свобод.

Теория общественного договора, в свою очередь, оказывалась связана с теорией разделения властей. Просветителей занимал вопрос: каким образом можно избежать сползания государственной власти в деспотизм или как обеспечить соблюдение общественного договора со стороны власти? Выход виделся в разделении властей. Классический вариант данного учения был разработан Шарлем Монтескье, хотя у него имелись и предшественники (например, Д. Локк). Власть в государстве должно разделить на три ветви: власть законодательную, исполнительную и судебную. При этом подразумевалось не просто разделение функций между различными государственными органами, но разделение этих властей как политических сил, чтобы каждая из них могла сдерживать другую. Основным смыслом этого – не допустить сосредоточения в одних руках или в одном органе всей полноты власти, что создало бы условия для возникновения тирании.

Говоря об идеологии просветителей, следует отметить один важный момент. Большинство их теоретических положений не были абстрактной утопией, но весьма реалистично формулировали принципы, ценности и потребности буржуазного общества. Ярким примером этого является общественное устройство США, базирующееся на Декларации независимости (4 июля 1776 г.) и Конституции США (1787 г.), которые были приняты в ходе войны североамериканских колоний за независимость. Данные документы совершенно сознательно строились на положениях Просвещения, исходя из его принципов и идеалов. Эффективность их реализации можно оценить, глядя на гегемонию США в современном мире. Помимо этого ценности эпохи Просвещения легли в основу общегуманистических ценностей современной цивилизации.

Стремление реализовать свои общественные идеалы заставляло мыслителей эпохи Просвещения искать пути и механизмы, способные эти идеалы осуществить. Многие из них (например, Вольтер и Дидро) усматривали подобную возможность в фигуре просвещенного государя. Основной формой организации политической власти в европейских государствах была абсолютная монархия. Абсолютизм XVIII в. использо-

вал противоречия старых (земельной аристократии) и новых (буржуазии) классов, а также временное равновесие этих сил. Регулируя отношения между ними, абсолютизм обеспечивал социальную стабильность и удовлетворял их определенные интересы: дворянству частично сохранялись его привилегии, а буржуазии обеспечивалась протекция на рынках. Уверенность просветителей в возможности освоить «разумные начала» любым человеком в любую эпоху и полнота власти абсолютного монарха делали разумное переустройство общества лишь делом доброй воли правителя – достаточно было только установить разумные законы в обществе. Отсюда и то восхищение, которое питали просветители к монархам, проводившим политику просвещенного абсолютизма (Екатерина II, Фридрих II) – политики, выражавшейся, в основном, в преобразовании наиболее устаревших или одиозных институтов.

Внешняя политика европейских государств в XVIII в. протекала под влиянием вышеназванных факторов: дальнейшее развитие и углубление капиталистических отношений, складывание национальных государств, абсолютистских форм правления. В складывании новой системы европейских государств решающая роль принадлежала пяти наиболее сильным державам – Франции, Англии, России, Австрии и Пруссии. Главными сферами борьбы между ними стали раздробленные Италия и Германия, Польша, а также находившиеся под турецким владычеством Балканы. На протяжении XVIII в. главными конфликтами между европейскими державами была борьба Англии и Франции за морскую и колониальную гегемонию; Австрии и Пруссии – за преобладание в Германии; России – за выход к Балтийскому и Черному морям, что сталкивало ее, прежде всего, со Швецией и Османской империей.

Любопытно, что и раннебуржуазные (Голландия, Англия), и феодально-абсолютистские государства (Франция, Россия, Австрия и т. д.) при определенных отличиях векторов их развития, имели внешне схожие внешнеполитические задачи – раздел колониальной добычи, торговое преобладание, захват чужих земель. Сходство это определялось совпадением интересов как верхушечных слоев буржуазии, так и значительной части дворянства, получавших большие выгоды от захвата внешних рынков и грабежа заморских владений.

В политическом сознании европейцев XVIII в. получило развитие представление о единстве исторических судеб и интересов народов континента, которое пришло на смену средневековому восприятию единства Европы, основанному на религиозном понимании – христианском единстве. При этом параллельно с развитием национальных культур развивался и национализм, подогреваемый торговым соперничеством национальных буржуазий.

Подобная двойственность в мировоззрении перекликалась с внешне-неполитическими доктринами, прежде всего с доктриной равновесия. Будучи господствующей теорией в международных отношениях, она основывалась на идее баланса сил. Эта доктрина оказывалась в XVIII в. единственной возможностью, хотя бы временного сохранения мирных отношений между европейскими государствами, но в то же время она являлась и обоснованием для развязывания войн якобы в целях сохранения «европейского равновесия». Следует также отметить, что идея баланса сил была явно близка идее равновесия внутренних социальных сил, выразившейся в теории разделения властей.

Просвещение в России так же как и модернизационные процессы XVIII в. имело свою специфику. Так же, как и в других странах Европы, специфика просветительского движения определялась спецификой протекавшей модернизации. Так, например, в Англии, где буржуазия добивалась требуемых прав и свобод еще в XVII в., в итоге двух революций просветительская мысль была нацелена непосредственно на конкретные результаты, носила прагматический характер. Во Франции господство аристократии и феодальных пережитков в социально-политической сфере предопределило полемический характер Просвещения. В Германии, особенно в Пруссии, где были сильны элементы феодализма (вплоть до крепостничества и феодальной раздробленности) удовлетворение чаяний третьего сословия становилось делом столь отдаленной перспективы, что идеи просветителей носили отвлеченно-теоретический характер, становились предметом академической мысли, чему немало способствовала развитая сеть университетов.

Какова же была подобная связь в России? Модернизаторский импульс, заданный Петром I, определил следующие черты российской модернизации.

Во-первых, петровская модернизация явилась результатом признания цивилизационного отставания России от Европы, иначе говоря, – результатом внешнего вызова, а не органического роста самого общества. Отсюда та «догоняющая» модель развития, которая предполагает непрерывную, иногда на пределе сил общества, гонку за наиболее развитыми странами.

Во-вторых, выбрав западничество в результате личного знакомства с английскими и голландскими моделями развития, в конкретной практике Петр I брал примеры со шведского, датского и прусского опыта, не самого оптимального по тем временам.

В-третьих, предметом заимствования были, по преимуществу, социально-престижные формы культуры – промышленные, военные, государственно-административные технологии. Не востребованы оказа-

лись такие важнейшие явления европейской культуры, как договорно-правовой тип общественного устройства, уважение прав личности, сословно-классовый компромисс и т. д.

В-четвертых, существенной чертой модернизации XVIII в. явился ее этатистский характер. Инициатором преобразований выступило государство, они осуществлялись государством и, самое главное, во имя государства. Общество не понимало и не принимало новшеств, цепляясь за традиционные устои. Даже наиболее яркая сторона петровских реформ, культурные преобразования, коснулись только верхушки общества (дворянства). При этом жесткие меры проведения преобразований, помноженные на деспотические традиции русской государственности, приводили, как ни парадоксально это звучит, к усилению таких черт традиционного общества, как несвобода человека, преимущество коллективистско-корпоративных ценностей перед правами и интересами индивидуума, причем в их наиболее одиозных проявлениях – крепостничество, получившее новые формы с насаждением мануфактурного производства, и государственный гнет, доходивший до мелочного контроля частной жизни (регламентация внешнего вида, стиля жизни и т. п.), проникавший во все сферы общества.

Помимо этого, подобный облик русской модернизации вписывался в процессы общеевропейской модернизации следующим образом. Входя во второй эшелон общественно-экономического развития, Россия оказалась в регионе распространения крепостничества, простершегося к востоку Эльбы. Как уже говорилось, данный регион специализировался на товарном производстве сельскохозяйственной (пищевой и сырьевой) продукции в рамках общеевропейского рынка. Поскольку товарное производство было результатом внешнего запроса, то в развитии стран данного региона наметились две тенденции: с одной стороны, капиталистический уклад в предшествующий период не сложился, и структуры традиционного средневекового общества практически не подвергались эрозии, а с другой, доминировавшая в социальном отношении земельная аристократия (феодалы) воспользовались предоставленной возможностью стать экспортёрами хлеба в страны Запада. Таким образом, развитие социальных отношений в этом регионе повернулось вспять. Дворянство приступило к формированию за счет крестьянских и общинных земельных угодий обширных домениальных хозяйств, требуя от живущих на данной территории крестьян барщинных повинностей; за барщиной следовало прикрепление крестьян к поместьям, т. е. крепостничество.

Специфика России в данном процессе проявилась в приобретении общегосударственного характера для крепостного права. Обширные

свободные территории на востоке и юго-востоке страны (Сибирь, Дон и Поволжье) усложняли процесс закрепощения, т. е. привязку населения к местам обитания. Феодално-крепостнические порядки нуждаются в сильной государственной (правовой, силовой и т.п.) поддержке. Наступление феодалов на жизненные интересы крестьянства сопровождалось юридическим подкреплением со стороны государства (Уложение 1649). Правительство щедро раздает населенные земли дворянам, расширяет владельческие права феодалов. Появление государственной системы сыска беглых крестьян и холопов расширяет возможности для эксплуатации крестьян, проявившиеся в развитии барщины. Однако роль государства не ограничивалась только поддержкой феодалов. Само государство проводило крепостническую политику в отношении лично свободных крестьян. Сошные крестьяне Севера, пашенные крестьяне Сибири, ясачные люди Поволжья и Урала и т. д. с 1719 г. сводятся в единую категорию государственных крестьян. Они считались принадлежащими государству, управлялись его администрацией на местах и в полной мере испытывали феодальный гнет (насильственные перемещения, приписки к заводам и т. п.). Однако в отличие от помещичьих крестьян, над личностью которых феодалы получают неограниченные права, государственные крестьяне были лично свободными, их нельзя было продавать, закладывать, они обладали большими поземельно-имущественными правами. Государственный характер русского крепостничества являлся результатом взаимной поддержки государственной монархической власти и доминирующего в обществе класса феодалов (дворянства). Более того, решение многих важных государственных, политических задач, в том числе и тех, ради которых был взят радикальный курс петровской модернизации, было ответом на модернизаторские процессы на Западе. Так, выход к Балтийскому морю, строительство флота, предпринятые Петром I, были вызваны стремлением контролировать торговлю собственной сельскохозяйственной продукцией, которая вывозилась в Западную Европу.

Внешняя политика России в XVIII в., подстегнутая западноевропейским модернизаторским вызовом, определялась тремя задачами: получение выхода к Балтийскому и Черному морям, освобождение западных древнерусских земель или правобережной Украины и Белоруссии, оказавшихся под властью Польши.

В Северной войне (1700–1721 гг.), где столкнулись Швеция и Россия, в разные её периоды также приняли непосредственное участие Польша, Дания, Саксония (на стороне России), либо оказывали косвенную поддержку – Англия (на стороне Швеции), Франция, Пруссия (в разное время менявшие приоритеты). В результате победы Россия полу-

чила выход в Балтийское море и вернула себе древнерусские земли на Балтике. Тем самым была решена одна из важнейших задач внешней политики, которая отвечала и интересам русского дворянства и буржуазии, и общенациональным геополитическим интересам. Это способствовало дальнейшему экономическому и культурному развитию страны. Россия вошла в число великих европейских держав.

Во второй четверти XVIII в. основными задачами внешней политики России являлись: сохранение достижений Северной войны, закрепление своего влияния в Польше, борьба за выход к Черному морю. Последняя задача в этот период так и не была решена.

Крупнейшим международным конфликтом середины XVIII в. с участием России была Семилетняя война (1756–1763). Этот конфликт был порожден двумя противоречиями – борьбой Англии и Франции за господство над колониями и борьбой Австрии и Пруссии за господство в Германии. Война разразилась между Англией и Пруссией, с одной стороны, и Австрией и Францией, с другой. К последним примкнула и Россия, опасавшаяся агрессии Пруссии. Именно Россия наиболее успешно действовала против прусской армии, почти полностью её разгромив. Только смерть Елизаветы Петровны в 1761 г. и приход к власти Петра III – яркого поклонника прусского короля Фридриха II – спасли Пруссию от гибели. Несмотря на то, что Россия не получила от Семилетней войны каких-либо территориальных приобретений, Пруссия была ослаблена и еще более вырос международный авторитет России.

В период царствования Екатерины II (1762–1796) были окончательно решены задачи выхода к Черному морю и возвращение белорусских и украинских земель. Первые были достигнуты в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и присоединением Крыма в 1783 г. и русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Вторые – в ходе первого раздела Польши в 1772 г., по которому России отошли часть восточной Белоруссии (воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского) и Ливонии. Кроме того, в 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, по которому Грузия поступала под покровительство России.

В целом, Россия достигла больших успехов в осуществлении своих внешнеполитических задач. В ходе достижения своих целей были созданы передовые армия и флот, Россия заняла выдающееся положение на европейской и мировой арене.

Однобокость русской модернизации, порожденные ее социальные и культурные парадоксы, сказались и на особенностях русского Просвещения. Активное усвоение европейской культуры, научно-технических достижений, образованности породило феномен русского просветительства. Бесспорно, просветительская идеология захватывает

мыслительные течения русских образованных кругов, начиная с середины XVIII в. – с деятельности М.В. Ломоносова. До этого существовали лишь отдельные предтечи Просвещения – И.Т. Посошков, В.Н. Татищев, А.Д. Кантемир.

В числе основных вопросов, занимавших русских просветителей, нужно назвать борьбу за освобождение науки от засилья религии. Здесь так же, как и в распространении европейского рационалистического образования и научных знаний, заметную роль сыграл М.В. Ломоносов. Центральным и наиболее злободневным вопросом оказывался крестьянский вопрос. Крепостное право было противно не только гуманистическим, либеральным положениям Просвещения, но и становилось объективным тормозом в развитии экономики и культуры. Важное место в идеологии русских просветителей занимал вопрос о развитии промышленности и торговли, о значении, которое имеют в жизни общества заводчики, купцы и ремесленники. Засилье в общественно-политической жизни дворянства, его сословные привилегии ставили третье сословие России – мещанство – в стесненное положение, ибо именно на него ложилась основная деятельность в области торговли и производства. Отсюда вытекали требования уравнивать в правах дворян и городское население, отменить сословные ограничения и привилегий т. д.

Большое внимание уделялось государственному и политическому строю страны, внутренней политике и деятельности монарха. В основном надежды возлагались на просвещенного монарха, которого видели в Екатерине II. При этом некоторые выступали с довольно радикальными идеями, предлагали ограничить власть монарха, придав российскому государственному строю черты конституционной монархии. Как видно, основная проблематика вытекала из реалий российской жизни той эпохи. И рецепты, которые предлагались, шли в русле классической просветительской идеологии. Однако как российская модернизация воспроизводила и даже укрепляла определенные стороны, присущие традиционному обществу, так и российское Просвещение заключало в себе традиционалистские мотивы.

Как и всякий европейский просветитель, представитель русского Просвещения считал, что основой его воззрений является новизна, разрыв с прошлым, антитрадиционализм. Однако реальное отношение к традиции было гораздо сложнее. Ситуация усугублялась тем, что русская культура не пережила эпохи Ренессанса, и новые европейские, просветительские идеалы накладывались на еще свежие для русского менталитета стереотипы средневековой культуры. К тому же, решительная ломка прежних устоев при Петре I, а до этого церковный рас-

кол, память о котором была еще жива, сделали разрыв с традицией уже своего рода традицией.

В отставании просветительских идеалов, в столкновениях с деспотической государственной властью особенно ярко проявились традиционалистские мотивы русской культуры. Прежде всего, унаследованное от средневековья отношение к идеям, когда их истинность и авторитетность проверялась жизнью их создателей и проповедников. Трагическая судьба Радищева и Новикова, их твердость и вызов контрастно смотрятся на фоне представителей французского Просвещения, которые, находясь в оппозиции к властям, одновременно проявляли прагматичность, умение идти на компромисс, доходящее до цинизма. Во время своей поездки за границу Фонвизин разочаровался в энциклопедистах из-за несоответствия их высоких принципов философии и личного поведения.

Трансформация идей европейского Просвещения на русской почве приводила к тому, что «естественного человека», живущего согласно законам природы, увидели в мужике (здесь явно влияние Руссо). При этом в типичном просветительском противопоставлении национальное стало отождествляться с естественным, природным и потому правильным и истинным, а иностранное (прежде всего, французское) воспринималось как искаженное. Так, общечеловеческий, наднациональный и надвременной универсум идей Просвещения неожиданно вылился в отождествление его с национальным, почвенническим и традиционным (которое выражалось в традиционализме крестьянской жизни). Злободневность вопроса о крепостном праве, вообще, чрезвычайно заострила внимание русских просветителей на традиционных устоях крестьянства, сочувствие к которому переносилось и на стиль жизни традиционного общества.

К тому же утопические и, нередко, максималистские надежды Просвещения накладывались на средневековые, по своей сути эсхатологические (искупительные), традиции крестьянства, наиболее сильно проявленные у раскольников.

В заключение хочется указать на еще один культурный парадокс эпохи: права господствующего сословия, т. е. дворянства – традиционной земельной аристократии, в том числе и право владения крестьянами, оформлялись в тех понятиях, которыми философы Просвещения описывали идеал прав человека.

Итак, русское Просвещение, совершенно искренне отстаивая идеологию, на которой базировалась формирующаяся цивилизация нового современного типа, воспроизводило принципы культуры традиционного общества средневековья.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За период с древнейших времен до конца XVIII в. человечество прошло огромный путь. Менялся облик страны и целых континентов, возникали, развивались и исчезали государства и цивилизации, народы и религии. Своим трудом люди преобразовывали окружающий мир, осваивали новые пространства и источники энергии. Хотя голод и эпидемии, войны и экологические катастрофы нередко отбрасывали общество назад, а иногда приводили к разрушению цивилизации, упорство и предприимчивость людей вновь и вновь возвращали ее к жизни, продвигали на новый уровень развития.

Нелегкой и драматической оказалась историческая судьба России. Возникнув на периферии христианской цивилизации, древнерусское общество постоянно подвергалось различным культурным влияниям. Неоднократно приходилось отражать нашествия врагов и далеко не всегда успешно.

И все же развитие происходило. Однако многочисленные попытки «ускорить» этот процесс, направить Россию по европейскому пути значительно усиливали Российское государство, но тяжким бременем ложились на русский народ. Даже гуманистические идеи Просвещения, попав на русскую почву, деформировались в идеологию традиционализма. Зато в Европе опыт Петра I создал миф о «просвещенном монархе» – миф, который вернулся в Россию и стал символом целой эпохи российской истории – «золотого века» Екатерины II.

Учебное издание

ГУЗАРОВА Надежда Ивановна
ИВАНОВА Маргарита Викторовна
ПЕРШИКОВ Анатолий Николаевич
СОЛОМЕИН Аркадий Юрьевич
СОСКОВЕЦ Любовь Ивановна
ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна
ЧЁРНЫЙ Виктор Алексеевич
ШПАГИН Сергей Александрович

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ Часть I

Учебное пособие

Научный редактор
кандидат исторических наук

С.А. Шпагин

Редактор

С.П. Барей

Компьютерная верстка

Н.А. Аксенова

Дизайн обложки

Т.А. Фатеева

Подписано к печати 27.05.2009. Формат 60x84/16. Бумага «Классика».

Печать RISO. Усл. печ. л. 5,87. Уч.-изд. л. 5,32.

Заказ 9-09. Тираж 100 экз.

Томский политехнический университет
Система менеджмента качества
Томского политехнического университета сертифицирована
NATIONAL QUALITY ASSURANCE по стандарту ISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.